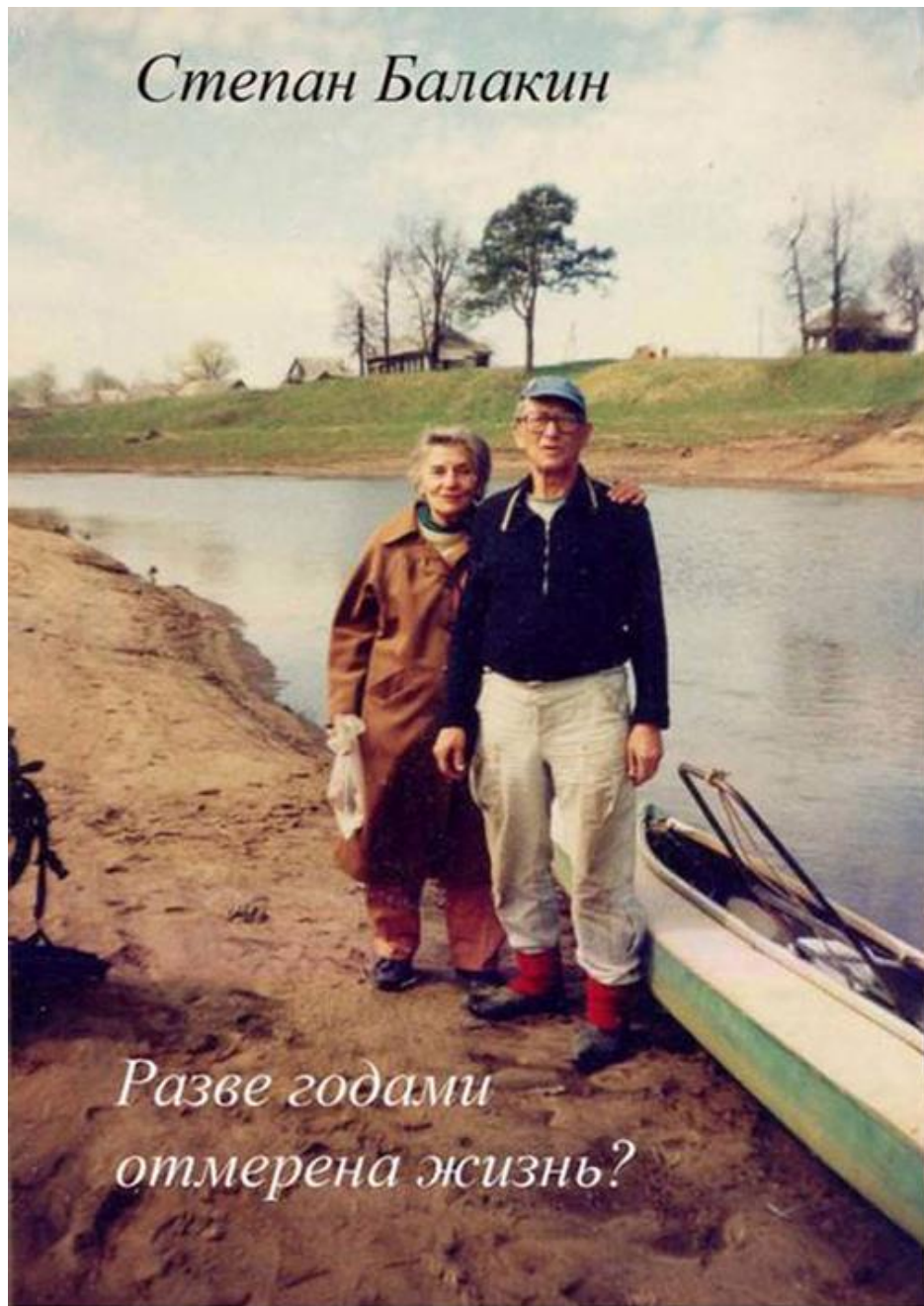

Степан Балакин

*Разве годами
отмерена жизнь?*

В заглавие этой книги воспоминаний взята вынесена строка из стихотворения ташкентского барда, Степана Балакина-младшего. А обложку украшает фото его родителей в 90-е годы: Ирины Васильевны Пташниковой и Степана Степановича Балакина-старшего (автора мемуаров) у своей дачи на берегу Нерли, в деревне Мальтино Ивановской области.

Издатель: Стальбовская (Балакина) Мария Степановна
Редактор: Евдокимов Сергей Сергеевич

Итак, после многолетних раздумий я наконец-то взялся печатать свои воспоминания, чтобы изложить историю нашей семьи. И делаю я это потому, что в зрелом возрасте очень досадовал, что в молодости не расспросил родителей об их жизни, о наших предках. Но было уже поздно исправлять свою ошибку. И отец, и мать умерли очень рано, да и всё старшее поколение ушло из жизни до того времени, как я ощутил потребность знать свои корни. Боюсь, что и мои потомки начнут кусать себе локти - тоже с большим опозданием. Впрочем, в старости я стал довольно разговорчивым и частенько рассказываю о случаях из своей жизни, так что что-то в их памяти останется. К сожалению, во время моей молодости родители не слишком делились воспоминаниями, опасаясь, что дети по наивности могут разболтать об их не слишком пролетарском прошлом.

Это, правда, меньше всего относилось к моему отцу Степану Балакину. Родился он в Екатеринославе 30 декабря 1886 года, а крещен был 8 февраля 1887 года. Отец его, по рассказам матери, был рабочим на заводе и погиб при какой-то аварии еще до рождения сына. Мать же, крестьянка из Верхнего Тагила, Александра Михайловна Балакина, стала кормилицей в семье горного инженера Боброва, который вскоре вернулся в Петербург, забрав с собой и кормилицу с сыном. Когда Степану было всего восемь лет, умерла и его мать, но мальчика оставили в семье, и он пошел учиться в гимназию вместе с молочным братом Володей.

Видимо, и в Санкт-Петербургский университет они поступили вместе. Но Степан поступил еще и в театральную студию, которая и определила его будущую судьбу. К сожалению, играл он в театре чуть больше десятка лет, хотя, судя по тому, что его приняли в московский "Эрмитаж", который и сегодня слывет хорошим театром, отец был неплохим актером.

В 1912 году за участие в юбилейном сотом спектакле "Вишневого сада", где он играл Фирса, отец получил золотую медаль, которая хранилась в семье до 1941 года, когда ее обменяли в Торгсине (торговля с иностранцами) на пуд муки. Тогда же сестра переделала отцовский театральный фрак для себя. А вот куда делись его парики, которые мы очень любили надевать, я уже и не помню.

В 1919 году из-за голода и разрухи отец решил покинуть Москву и поехать на родину жены, Марии Семеновны Сафоновой, в город Острогожск Воронежской губернии.

Там он стал режиссером местного театра, который, как я понял, принадлежал Красной армии. Но через год или два этого театра не стало. А вместе с ним окончилась и театральная деятельность отца.

Вернуться к ней он так и не смог из-за развившейся глухоты. В те времена без суфлера актёры не работали. (К сожалению, ослабление слуха унаследовал и я, но не в 40-летнем возрасте, как у отца, а около 80 лет.)

Безработица толкнула отца на экстравагантный шаг. Он оставил город и

Спектакль Московского драматического театра "Тот, кто получает пощечины" по пьесе Л. Андреева. Справа Степан Балакин

Спектакль Московского драматического театра "Тот, кто получает пощечины" по пьесе Л. Андреева. Слева Степан Балакин

переехал в бывшее поместье тестя - хутор Дмитровку под Острогожском. Большой дом деда, дворянина Семена Павловича Сафонова, был разгромлен и разграблен, и мы поселились во флигеле, где была всего одна комната с деревянными полами, а на кухне и в сенях полы были земляными. Отец, как и все тогдашние крестьяне, получил бесплатно три десятины земли, купил корову Нешку и коня Грома, и взялся хозяйничать. Вероятно, не всё у него получалось, и жили мы трудно. Помню, что отец пытался разводить свиней, но кормить их было нечем, и они бродили по ближайшим дубовым рощам, отыскивая жёлуди. Сала от этого у них не прибавлялось, и сестры мамы, которые бывали у нас в гостях, называли их «густопсовыми», то есть поджарыми, как собаки-гончие.

Было у нас много фруктов из громадного сада в бывшей дедушкиной усадьбе. Как-то отец отвёз воз яблок в город на продажу и получил за него целых три рубля. Такие тогда были цены. А в 30-е годы этот сад превратился в один из лучших плодпитомников в области.

Уже в пять лет меня усаживали на Грома, бывшего армейского мерина, и я с гордостью объезжал все окрестности. Характер у Грома был довольно зловредным. Увидев лужайку с зеленой травой, он галопом мчался к ней. А потом внезапно останавливался, и я, судорожно хватаясь за уздечку, летел на землю. Сесть обратно в седло был, естественно, не в силах, ведь до стремени я дотягивался только поднятой рукой. Приходилось вести его к какому-нибудь пеньку или забору, чтобы с него снова сесть в седло. Но потом я изобрел другой метод. Гром начинал щипать траву, и я просто садился ему на голову, а когда он, стараясь от меня избавиться, поднимал голову, я съезжал ему на спину и, развернувшись, усаживался в седло.

Запомнилась мне и первая в моей жизни серьезная травма, полученная, когда мне было всего четыре года. На крыше разрушенного старого дома деда остались куски кровельного железа, и мальчишки из ближайшей деревни затеяли соревноваться, у кого из них при броске они пролетят дальше. И пока я глядел, куда полетел один кусок, второй врезался мне в затылок. В залитой кровью белой рубашке я прибежал домой, и мама, сунув мне в рот большую ложку меда, чтобы я не плакал, быстро остригла затылок и залила его йодом. Но эта отметина осталась у меня на всю жизнь.

Вообще, всевозможные неприятности случались со мной в детстве довольно часто. Недаром же няня, тётя Мотя, звала меня «33 несчастья». Называла она меня и «неморылая петелька» за то, что заговорил я только в три с половиной года. Но заговорил сразу вполне осмысленными фразами.

Когда мне было года полтора, я чуть не утонул в пруду, где мама полоскала бельё. По её словам, я спокойно играл на берегу, но когда, прополоскав очередную простыню, она оглянулась, то меня не обнаружила. К счастью, недалеко от берега она заметила пузыри и бросившись туда, обнаружила меня на дне.

П Р И К А З № 33.

По городу Острогожску и его уезду.

26 Марта 1919 г., г. Острогожск.

§ 1.

В связи с продолжающимися волнениями на провокационных выступлениях в г. Острогожске и уезде ОБЪЯВЛЯЮ город и уезд на осадном положении с 6 час. вечера (нов. вр.), 26 Марта. с. г.

§ 2.

Все театры, зрелища на время осадного положения приказываю закрыть.

§ 3.

Всеякие сборища запрещают; виновные в этом будут преданы суду Полевого Трибунала и караться по законам военного времени. Всеякие зачинщики немедленно будут расстреливаться на месте.

§ 4.

Командиру Запасного батальона: иметь постоянно наготове дежурную часть, от которой высылать усиленные дозоры по городу для предотвращения всякого рода контр-революционных выступлений.

§ 5.

Командиру Запасного батальона эскадрон кавалерии передать в исключительное мое распоряжение.

§ 6.

Самочинно взявшим оружие из Острогожского Запасного батальона приказываю в продолжение шести часов после опубликования настоящего приказа сдать оружие в Острогожский Комиссариат по Военным Делах. Все лица, не сдавшие оружия в установленный срок, будут расстреливаться на месте. Для подавления вооруженного выступления контр-революционеров мы вызываем артиллерию и броневые автомобили.

§ 7.

После 9 час. вечера по новому вр. хождение по городу без особого распоряжения Военного Комиссариата воспрещается.

§ 8.

Всем квартальным комитетам немедленно доносить мне о всяких вооруженных лицах, поселившихся в их кварталах.

© www.ostrogzhsk.ru

Власть в городе постоянно менялась...
(Источник - сайт www.ostrogzhsk.ru)

В юности мне очень льстило и то, что, по маминым воспоминаниям, я родился под грохот от белогвардейских пушек, стоявших рядом с нашим домом в Острогожске. Наверное, потому, что в тридцатые годы была очень популярна песня, в которой были слова: «Мы родились из пламени, в пороховом дыму».

Отца при родах не было, его арестовала контрразведка белоказаков. К счастью, руководитель контрразведки ухаживал за маминой гимназической подругой, которая его убедила, что никакой опасности для них мой отец не представляет. Его освободили, но, как только красные заняли город, отца опять арестовали, чтобы выяснить, почему его выпустили белые. Но, слава богу, никакого криминала не обнаружили.

Был в жизни отца и еще один арест, но уже в 1927 году. Причины этого ареста я не знаю, но думаю, из-за того, что он был зятем бывшего помещика, хорошо известного в Острогжске. Жили мы тогда уже в немецкой колонии Рибенсдорф, переименованной в село Рыбное. Года за два до этого мы покинули Дмитровку - то ли из-за того, что у отца отобрали землю, то ли ему просто надоело с ней возиться. Работу тогда найти было очень трудно, и помог отцу в этом именно дед. У его бывшего компаньона в Рыбном еще сохранилась водяная мельница, и отец стал там весовщиком. Запомнилось мне, что в Рибенсдорф я въехал с загипсованной рукой. К счастью, она не была сломана, а только вывихнута кисть, которую мне незадолго до отъезда вправили два здоровых мужика в городской больнице.

В немецкой колонии мы прожили до 1928 года. Там я начал учиться в школе, где обучение шло на двух языках, русском и немецком. Русский вела молодая девица, только что родившая младенца. Детских яслей тогда и в помине не было и, дав нам задание писать палочки и галочки, она убежала домой нянчить ребенка. На немецком языке уроки вёл пожилой и, видимо, очень умелый преподаватель, так что читать я сперва научился на немецком языке. А на улице мы с друзьями общались на невообразимой смеси немецкого и русского языка. В более взрослом состоянии я даже жалел, что мы не задержались в Рибенсдорфе подольше и я не сумел освоить немецкий язык как следует.

Но память о тех местах я сохранил на всю жизнь. Самые приятные воспоминания оставила замечательная река Тихая Сосна, где мы с ребятами проводили всё свое свободное время и где я даже дважды тонул.

Первый раз это было весной. Мы решили переправиться на другой берег, где на заливаемом лугу гнездились дикие утки. Их яйцами мы и решили полакомиться. Плавать я тогда совсем не умел, а от моста остались только сваи, торчавшие метрах в двух друг от друга. То ли я сам придумал, то ли друзья подсказали мне прыгнуть с берега и дотянуться до первой сваи, а от неё уже толкаться к следующей. Но прыгнув с берега, я сразу пошел ко дну. Пару раз оттолкнувшись от дна и вдоволь нахлебавшись воды, я чудом оказался у довольно высокого берега и уцепился за куст.

А второй раз, когда я уже умел довольно сносно плавать, мы рискнули проплыть от "пристани" до "пристани", как назывались места, где переулки спускались к реке. Мы плыли вниз по реке, и все шло хорошо, но, на нашу беду, поднялся сильный встречный ветер, и было невозможно пристать к берегу из-за плотной стены камыша. Ветер стал ураганным, мы видели, как с ближайшего сарая сорвало крышу и поднялись большие волны. С огромным трудом и вдоволь

наглотавшись воды, мы всё же сумели добраться до "пристани" и залезть под лежавшие на берегу лодки, спасаясь от начавшегося ливня.

Но самым урожайным на несчастья стал для меня один день в начале апреля 1926 г. На Тихой Сосне только что окончился паводок и виднелись плывущие отдельные льдины. Мы с приятелями 6-7-летнего возраста увидели привязанную к берегу лодку и решили на ней покататься. Но вместо вёсел в ней оказались лишь длинные шесты, и стоило нам оттолкнуться от берега - до дна ими мы уже не достали, и нас быстро понесло по течению. Не знаю, чем бы окончилось это плавание, но когда мы проплывали возле водяной мельницы, то мужики услышали наши крики и на лодке догнали нас и отбуксировали к берегу.

Отделавшись парой подзатыльников, мы поднялись на центральную улицу села и загляделись на голубей-турманов, которые кувыркались в поднебесье. Я настолько увлёкся, что не заметил тачанку со свадебной компанией. Кучер был, видимо, сильно выпившим и тоже не заметил меня. Оглобля стукнула меня по затылку, и я упал, слава богу, между парой лошадей и колёсами. Видимо, я был в теплой шапке, которая смягчила удар, но, все равно, подняться самому мне не удалось, помогли ребята, которые усадили меня на ближайшую лавочку. Однако через десяток минут я уже принял участие в сражении между ребятами двух улиц. Снарядами при этом служили катышки обледелого конского навоза.

Сражение понемногу переместилось к нашему дому, и я решил залезть на старый сарай и оттуда «обстрелять противника». Но крыша у сарая оказалась прогнившей, так что я, добравшись до середины, провалился между слемами. Увидевшая меня сестра сперва принялась дразниться, но, поняв, что мне не до шуток, побежала за тётёй Мотей, которая и вытащила меня за шиворот. Кстати, если бы я провалился внутрь сарая, то оказался бы в глубокой яме, наполненной водой.

О Рибенсдорфе у меня сохранилось много светлых воспоминаний. О рождественских колядках, в которых я принимал непосредственное участие, о ледяных горках по зимним праздникам, с которых мы скатывались в старых больших решётах с обледелым дном, о походах в лес или на речку по первому льду, где мы глушили рыбу, хорошо видную через тонкий прозрачный лед. Нужно было осторожно подкрасться к ней и стукнуть по льду киянкой. Оглушённая рыба переворачивалась вверх брюхом, и нужно было ломиком взломать лед, чтобы её вытащить.

Летом мы, конечно, большую часть времени проводили на реке, и не только купались. Ещё с времён гражданской войны в ней осталось много оружия. После половодья мы частенько находили винтовочные патроны, а иногда и вполне исправные винтовки с затворами. Мы даже пробовали стрелять из них. Но стволы сильно проржавели. И мы очень тщательно закрепляли винтовку, к курку привязывали веревку и, спрятавшись в укрытие, тянули за нее. Помню, что пули при этом легко пробивали толстые доски. Но значительно интереснее было привязать проволокой патрон к деревянной ручке, пропилить сверху в патроне дырочку и поднести к ней спичку. Выстрел был обеспечен. Прodelьвали мы всё

это, конечно, вдали от взрослых, чаще всего в «ночном», то есть, когда ночью мы пасли своих коней.

К сожалению, эти светлые воспоминания сильно померкли после того, как мы в 2005 году побывали в Рыбном/Рибенсдорфе и вместо ухоженного, чистого села увидели замусоренное поселение с развалинами кирпичи и сильно обветшавшими домами, с новыми жителями, приехавшими из разных мест. Коренных жителей-немцев выселили еще в начале войны, и назад ни один из них не вернулся. Не слишком понравился мне и сам Острогожск, а в Дмитровку мы так и не попали.

Я уже упоминал, что отца в 1927 году арестовали и он восемь месяцев просидел в Воронежской тюрьме, а когда он вернулся домой, мельница, где он работал, была уже конфискована, и бывший хозяин уехал в Германию.

Никакой работы поблизости отец не нашел и по приглашению дяди Алёши (мужа Гали, сестры моей мамы, Алексея Васильевича Куницкого) поехал на Донбасс, в город Горловку, где стал работать на шахте N 8 счетоводом, как тогда назывались бухгалтера.

Сёстры Сафоновы, Анна Куницкая и моя мама, Мария Балакина, Москва, 1939 год

оставались частными. Тогдашних цен я, конечно, не помню, но знаю, что у отца тогда была зарплата в сорок рублей в месяц, на которую мы и жили вполне прилично вшестером. Я не упоминал, что в 1924 году у меня родился брат Володя, и тётя Мотя всё ещё оставалась у нас в прислугах. Ушла она от нас лет через пять, чтобы стать уборщицей. Мама же не работала. Единственный раз в жизни она работала в 30-м году во время кампании по массовой ликвидации неграмотности. Вообще, замужние женщины в те времена очень редко работали.

На 8-м руднике мы прожили всего год, а затем переехали в Горловку, где папа стал работать на машиностроительном заводе в той же должности счетовода.

Тут я уже пошел в третий класс и снова в украинскую школу, хотя украинского

Первые впечатления от Донбасса у меня очень смутные. Помню, что первую ночь по приезду мы спали чуть ли не в папиной конторе на деревянных топчанах. А утром пошли за хлебом, и я впервые увидел длинную очередь. Ни в Рыбном, ни в Острогожске этих очередей ещё не было, да и магазины

языка не понимал. Школа была в парке, в бывшем доме владельца одной из шахт. Но месяца через три нас перевели в новую школу, а я это событие пропустил из-за болезни. Поправившись, отправился в новую школу, но своего класса не нашел, а спросить постеснялся, - был очень застенчив. Немного пошатавшись по коридорам, я засунул учебники за пояс и пошел бродить по городу. Такое времяпрепровождение понравилось мне значительно больше, чем сидение в классе. И моё знакомство с городом и окрестностями продолжалось около двух месяцев. Домой я приходил вовремя и даже делал вид, что готовлю уроки, так что родители ничего не заподозрили. Сестра училась в другой школе и тоже ничего не подозревала. Именно в это время я обнаружил детскую библиотеку и записался в неё. Помню, что одной из первых прочитанных мною книг был «Маленький Мук». Именно с той поры я и пристрастился к чтению, с которым не расставался всю мою долгую жизнь. И без всякого преувеличения считаю, что художественная литература дала мне больше, чем все учебники, уроки и лекции. Читал я и на уроках, за что от учителей мне нередко перепадало. Вообще учился я, надо признать, не слишком усердно, чему способствовал и украинский язык, и частая смена школ, а значит, и учителей. К шестому классу я сменил пять школ и тут, наконец, получил двойку по украинскому языку, и вынужден был остаться на второй год. Чтобы избежать этого, родители перевели меня в единственную в городе русскую школу, расположенную на дальней окраине. В седьмом классе я оказался самым маленьким. И это не удивительно, так как половину класса составляли парни и девушки, приходившие в школу после работы. Наверное, поэтому мы учились в третью смену, с четырех часов дня. Именно тогда, видимо, вышел закон об обязательном для всей молодёжи семилетнем образовании. Без образования не принимали на работу, а если работник был неграмотным и не учился, то его увольняли.

Начать вернуться немного назад. Еще в начале четвертого класса со мной опять произошел несчастный случай. С одним из приятелей мы бродили по базару, и он увидел знакомого возницу с огромной фурой и попросил довезти нас до дому. Получив разрешение, мы сзади полезли наверх.

Моя левая нога соскользнула и угодила между колесом и корпусом повозки и её стало закручивать, сдирая кожу, а потом и мышцы на колене. Я даже не успел испугаться и закричать, как какой-то шахтёр остановил возницу и освободил меня. Проскакав на правой ноге несколько шагов, я свалился на землю, и тот же шахтёр подхватил меня на руки и понёс в медпункт шахты «Кочегарка», который находился неподалёку. Я, наверное, и решил, что он шахтёр только потому, что он уж очень по-хозяйски разговаривал с фельдшером. А тот залил мне всю ногу йодом и забинтовал, потом вызвал «скорую помощь» - мужика с повозкой, и меня повезли в больницу. К счастью, мы проезжали мимо работы отца, и я попросил возчика зайти к нему, и уже вместе с отцом мы доехали до больницы, где мне отодрали присохшие бинты и залили ногу перекисью водорода. Пролежал я, наверное, всю зиму с высокой температурой и бредом, а главное, с мыслью о том, что мне нельзя сгибать ногу, чтобы она не срослась в согнутом положении, так

внушал мне приходивший доктор.

Содранная кожа восстановилась месяца за два, а вот рана на колене никак не заживала, и я все еще ходил забинтованный. А в начале лета мы с братом Володей пошли в лес, и на обратном пути поспорили, кто раньше прибежит домой. Двор наш был огорожен штакетником, а калитка запиралась на задвижку. Я думал, что она закрыта, и решил перепрыгнуть забор, благо перед ним лежали бревна. Но Вовка, который бежал рядом, просто толкнул калитку, и она открылась, а я, прыгнув, уселся на острый штакетник, пропоров себе ягодицу, но, слава богу, не пах.

*Мой дед, Семён Павлович Сафонов
1930 год*

*Бабушка, Александра Васильевна
Сафонова (ур. Иванова)*

Вообще, 1930 год стал для нашей семьи трагическим. Отец уже неплохо зарабатывал, и мы впервые смогли поехать на курорт в Геленджик, где жили родители мамы. Её отец был столбовым (потомственным) дворянином и, как это и было положено дворянину, с ранних лет уже числился в армии. Но когда Семену Павловичу было лет 18, ему досталось заложенное имение. Дед сразу же подал прошение об увольнении из армии и взялся самостоятельно хозяйствовать

.<...>

Сделал он и ещё одну умную вещь - взял в жёны не избалованную богатством девицу, а сироту-бесприданницу, Александру Васильевну Иванову, которую воспитывал брат умершего отца — священник Михаил Иванов.

Брак оказался успешным, хозяйствовали они умело, и через десяток лет не только выкупили имение, но и купили еще одно в соседнем уезде, а также маслобойный завод.

И, между делом, родили четырех дочерей и сына Павла. Старшая их дочь, Александра (Саня) родилась, если я не ошибаюсь, в 1878 году, вторая, Вера, в 1883, а третья, в 1886 году, Мария, моя мама, Павел родился в 1892 году, а

младшая Анна (Галя) в 1899-м.

В Геленджик дед Семен Павлович переехал, вероятно, в 1926 году. Так как в 25-ом еще в Острогожске получил на своё имя копию диплома моей мамы об окончании Бестужевских курсов, единственного в дореволюционной России высшего учебного заведения для женщин. Эти же курсы окончили и другие сёстры.

Приехав на юг, дед не смог оставаться без дела и приобрел пару суденышек, чтобы возить курортников из Новороссийска в Геленджик. Железная дорога туда еще не была проложена. Правда, к тридцатому году суденышки были отобраны, а деда посадили в тюрьму. Но к нашему приезду его освободили, и он мне запомнился очень молчаливым, хмурым стариком. Со мною он, кажется, так ни разу и не заговорил.

Но мы с братом вообще редко бывали дома. Самым привлекательным местом был пляж и старые бетонные тумбы, оставшиеся от разрушенной пристани, на них мы грелись после продолжительного купания. А вечерами мы с братом, как правило, забирались на деревья возле летнего открытого кинотеатра, возле того же пляжа, и допоздна смотрели разные фильмы.

Но к середине лета Володя как-то подхватил дифтерит, и я гонял уже в одиночку. К несчастью, дифтерит дал осложнение на сердце, и в августе 1930 года мой шестилетний брат умер. Похоронили мы его возле церквушки, расположенной недалеко от дома деда, где мы с ним до этого часто бывали по дороге в горы. А вернувшись из Геленджика в Горловку, мы вскоре получили от бабушки письмо, что деда опять арестовали, и вскоре в Новороссийской тюрьме он умер в возрасте 73 лет...

В пятый класс я пошел снова в другую школу - железнодорожную. Отец опять сменил место работы, и мы переехали на другой конец города. Сперва он был преподавателем, а потом завучем «стройуча» - прообраза будущих ремесленных училищ.

Отец преподаёт географию в "стройуче"

Училище за несколько месяцев давало сельским и городским парням навыки в строительных профессиях, которые были очень необходимы разрушенному Донбассу. Жили мы в двух комнатах огромного барака, который из-за своей планировки назывался «аэропланом». Надо сказать, что 1930 и 1931 годы на Украине, да и во многих других местах страны, из-за насильственной коллективизации и неурожая были очень трудными и голодными. И многие устремились в Донбасс, где усиленно поднималась угольная промышленность. А значит, была и работа, и продуктовые карточки, на которые буквально за копейки можно было получить продукты. А если сдать эти карточки в столовую, то каждый день иметь на обед супы и каши.

<...>

И все же настоящего голода мы не ощущали, хотя и сытыми никогда не были. А вот страшные картинки тех лет запомнились навсегда. Шел я как-то из библиотеки и увидел лежащую на тротуаре опухшую женщину. Она не двигалась, но никто из прохожих не обращал на неё внимания, видимо, слишком привычной стала эта картина...

А в привокзальном скверике всегда отдыхали приезжие. Но кое-кто из них уже и не двигался. И мы видели, как станционные рабочие подходили к ним с носилками, укладывали неподвижную фигуру на носилки и относили в пристройку, где уже лежало несколько трупов.

Там же, на базарчике, мы с ребятами наблюдали очень типичную сценку.

Сидит на скамеечке бабка, прикрывая подолом кастрюлю с картофельными пирожками. А один пирожок держит в руке, рекламируя свою продукцию. Мимо проходит паренёк и быстрым движением отламывает виднеющуюся половинку пирожка. Бабуля хватает его за шиворот, но он и не думает никуда убегать, а просто засовывает пирожок в рот. Бабка потюкала-потюкала его кулаком по спине, ругнулась и отдала ему оставшуюся половинку.

А вот еще одна сценка. Недалеко от нашего «аэроплана» находились большие погреба с картофелем. Весной его начали перебирать, сгнивший выбросили на улицу. Буквально уже через полчаса возле этой кучи собралось несколько десятков человек, которые разожгли костры и начали жарить этот сгнивший картофель. Мы с ребятами подошли к одному мужику, и он продемонстрировал нам процесс обработки. На листочке кровельного железа он раздавил гнилую картошку, размазал ее потоньше и положил на огонь. Через несколько минут на железке образовалось что-то похожее на засохший блин. Он даже дал нам его попробовать, и мы поняли, что это вполне съедобное блюдо, и взялись разводить собственный костёр.

Тогда же мы с приятелями пробовали продавать папиросы, которые изготовляли сами. Пустые гильзы продавались в магазине, а аппарат для набивки был у нашей мамы, которая немного курила.

Табаком же нас снабдил мой друг, крымский татарин, к которому приехали родственники из родных мест и привезли много турецкого табака. Во время обеда мы становилась возле выхода из столовой и выкрикивали: «Вот оно, вот оно, ночью сработано, днём продаётся, чуть ни даром отдаётся, штука — две копейки, пара — всего три». Выходя из столовой, мужики, посмеиваясь, охотно покупали наши папиросы. Я уже и не помню, на что мы тратили вырученные деньги. А вот, когда отменили карточки на сахар, я сразу купил 300 грамм кускового сахара и тут же съел его. И это был не теперешний рафинад, а действительно куски, которые с трудом можно было поместить во рту.

Я уже упоминал, что в пятом и шестом классах учился в железнодорожной школе. Запомнилась она мне тем, что в ней пробовали над нами «бригадный» метод обучения. Весь класс был разбит на бригады в пять-шесть учеников. По замыслу мы должны были вместе готовить уроки, а отвечал кто-то один из бригады, и за его ответ ставили оценку всей бригаде. Мы, конечно, быстро сориентировались и распределили предметы между собой. Я отвечал на уроках истории и географии, но зато мог не учить всё остальное. Оценка мне ставили за ответ того, кому бригада поручала изучать именно этот предмет. Слава богу, бригадный метод просуществовал недолго, но экспериментировали над нами ещё немало. Три года подряд мы заново начинали изучать химию. И успевали пройти один и тот же материал - галогены. Меня от этих галогенов до сих пор тошнит. Запомнились и уроки украинской литературы, на которых учительница читала вслух произведения украинских писателей, в основном почему-то именно тех, которых в дальнейшем из программы убрали как националистические.

А вот по русской литературе я отличился тем, что домашнее задание по поэме

«Кому на Руси жить хорошо» написал в стихотворной форме. Учитель до того расчувствовался, что зачитал его вслух перед классом и в дальнейшем на протяжении всего учебного года ставил мне за четверть «хорошо». Оценки «отлично» тогда еще не существовало. Пятибалльную систему ввели позднее. Седьмой класс русской школы запомнился мне тем, что преподаватель математики, обнаружив мои весьма слабые знания об этом предмете, поступил, на мой взгляд, очень педагогично. Он сказал: «Я даю тебе три месяца и ни разу не вызову к доске. Но потом сразу спрошу за весь пройденный материал. И если получишь «двойку», останешься на второй год». И правда, он спросил меня уже в конце четверти и поставил «хор».

Но, главное, я и по другим предметам стал заниматься значительно усерднее и к концу года даже получил удостоверение «Ударник труда». И это была не просто бумажка. В магазине по этому удостоверению выдавали какие-то дополнительные продукты. Отец, который к тому времени работал уже директором «Школы мастеров», где повышали свою грамотность руководители бригад и других рабочих коллективов, тоже имел это удостоверение, а мать с гордостью предьявляла их в магазине.

Запомнилось и то, что тогда у нас были ещё «пятидневки», то есть четыре дня рабочих, а пятый был выходным. Потом их сменили «шестидневки», и только в 1940 году страна перешла на семидневную рабочую неделю.

В восьмом классе на уроке физкультуры я впервые познакомился с волейболом, и этот вид спорта сыграл в моей жизни очень важную роль. Видимо, у меня были нужные в этой игре способности, и через год меня взяли играть во взрослую команду города. Играл я из-за малого роста, конечно, в защите, но ежедневные тренировки ускоренно укрепляли мои мышцы, и вскоре я уже мог высоко подпрыгивать, а значит, атаковать. Но увлекался я и другими видами спорта: гимнастикой, боксом, лёгкой атлетикой. И я участвовал в соревнованиях по всем этим видам спорта, побывал во многих городах Донбасса и даже в Киеве.

В школе у нас образовалась очень дружная и хорошая компания. Никто из нас не входил в так называемый «актив». Более того, никто из нас не был комсомольцем. И только в том самом, 1937 году, когда оканчивали десятый класс, все мы решили стать комсомольцами. Вёл комсомольское бюро кто-то из учителей. Задав нам несколько идеологических вопросов, всё бюро проголосовало за приём нас в комсомол, а преподаватель разрешил нам присутствовать на обсуждении персонального дела одного из комсомольцев. Но когда началось разбирательство, то мы все выступили в защиту парня, так как прекрасно знали обстоятельства дела и считали его невиновным. Выступали мы, наверное, так рьяно и категорично, а главное, в противовес уже принятому руководством школы решению, что председатель бюро потерял терпение и произнес: «Всё, вы исключены из комсомола как не прошедшие испытания!»

Мы были настолько наивны, что решили бороться. У нашей семьи в горкоме партии была знакомая, и я уговорил ребят пойти к ней. Значительно позднее я понял, как не вовремя мы появились у неё. Именно в те дни первый секретарь

горкома партии был вызван в Москву, где вроде застрелился, оставив записку: «О существовании центра знал, но активного участия не принимал». Естественно, в горкоме все были в панике, и наша знакомая посоветовала нам «не рыпаться». Что мы и сделали.

Я больше заявления в комсомол не подавал и на все уговоры и нажимы отвечал, что ещё не созрел для этого.

Наверное, пора уже поговорить о том самом 1937 годе, который считают самым кровавым в советской истории. Да, арестов в то время было немало. Я помню, что был арестован отец моего одноклассника, директор машиностроительного завода, и отец подруги моей сестры Олянки Шеболдаевой, который был первым секретарем Ростовского обкома партии. Хорошо, что к тому времени он был в разводе с матерью Олянки, и её это не коснулось. А когда я приехал на каникулы из института, то узнал, что арестовано несколько наших бывших учителей, в том числе и один из самых любимых - преподаватель русской литературы. Запомнился он своей незаурядностью. Он запросто мог подойти ко мне, девятикласснику, когда я стоял в очереди за папиросами, и попросить взять и ему пачку. Единственный из учителей, он мог усесться не на стул, а на учительский стол и, болтая ногами, вести урок. Запомнилось и его негодование из-за того, что в «хрестоматии» по литературе из «Двенадцати» Блока были изъяты строки:

... И у нас было собрание ...

... Вот в этом здании ...

... Обсудили —

Постановили:

На время — десять, на ночь — двадцать пять ...

... И меньше — ни с кого не брать ...

Сейчас, взирая с высоты своих лет и немалого жизненного опыта, я абсолютно убежден, что это был год беспощадной борьбы за власть. После 17-го съезда партии Сталин явно почувствовал, что авторитет его падает, что очень многие руководители республиканских и областных партийных организаций недовольны огромными ошибками при насильственной коллективизации, да и просто его деспотическим характером и хотели бы сменить «отца народов» на более спокойного и лояльного человека.

Одним из таких авторитетных руководителей был секретарь Ленинградского обкома партии Киров. И я уверен, что именно Сталин дал команду его убрать. Уж больно топорным было это убийство. Никто так и не понял, как в коридоре Смольного мог оказаться бывший белогвардеец Николаев с пистолетом в кармане, из которого он и застрелил Кирова, когда тот вышел из своего кабинета. А буквально через пару дней Николаев и сам погиб в автокатастрофе, когда его, якобы, везли на допрос к следователю.

При этом Сталин не только избавился от возможного конкурента, но и использовал его гибель, чтобы развязать беспощадный террор против «контрреволюционеров, про-тивников советской власти». Причем среди этих «врагов» оказалось 98 членов и кандидатов Центрального комитета партии, избранных на 17-м съезде партии, остался «нетронутым» только сорок один человек. А из 1966-ти делегатов этого съезда было арестовано 1108 человек. Иными словами, жертвами террора стали, прежде всего, руководители партийных

Наверху я и Ира Пташникова, моя будущая жена, ниже — моя сестра с мужем Мишей Калиновичем, а внизу — наша двоюродная сестра Катя Ртищева, 1940 год

и советских органов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Обезглавлена была и Красная армия, что не могло не отразиться на её боеспособности, и что убедительно было подтверждено во время финской и в начале Отечественной войны. Да и экономике нанесло большой вред. Я уже не говорю о моральных потерях. Ведь подлецов и карьеристов всегда было хоть отбавляй, и они прекрасно использовали обстановку, чтобы хитроумными доносами устранив всех, кто стоял на пути — к власти и карьере.

Борьба за власть продолжалась и после смерти Сталина. Сперва Хрущов избавился от Берия, расстреляв его, а затем отстранил от власти всех соратников Сталина: Молотова, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Булганина. В 1964-ом та же участь постигла и его самого.

Ну, а пришедшая затем к власти клика Брежнева привела к двадцатилетнему застою в политике и экономике.

* * *

Вернусь к рассказу о моей юности. Я до сих пор почти ничего не сказал о

своей сестре Наталье, которую дома звали Тусей. Она была на 2,5 года старше меня (родилась 9 апреля 1917 г.) и, естественно, чувствовала себя моим наставником, что мне не слишком нравилось.

И когда я немного подрос, то вообще посчитал для себя унижительным слушаться девчонку. Дело часто доходило до скандалов и даже драк. Как-то я запустил в неё чернильницу «непроливашку», но, слава богу, в сестру не попал, и чернильница, ударившись о стену, разлетелась вдребезги...

Ира Пташникова, Наташа и Ваня Калиновичи, Мурманск, 1980-е

Но к 8-му классу отношения у нас выровнялись и стали вполне товарищескими. В 1935 г. Наташа окончила девятилетку и уехала в Москву поступать в океанографический институт, но не прошла по конкурсу.

Вернувшись домой, она опять пошла в школу, так как страна перешла на десятиклассное образование. Там она и познакомилась с Мишей Калиновичем, парнишкой из многодетной рабочей семьи. Они полюбили друг друга и на следующий год уже вместе поехали в Москву. Наташа поступила на истфак МГУ, а Миша в Бауманский технологический институт. Однако на следующий год его по призыву комсомола «Молодежь — в авиацию!» призвали в армию и отправили в Челябинское штурманское авиаучилище.

На следующий год на каникулы Наташа поехала к нему в Челябинск, и они поженились, у них родился сын Володя. Но супружество их длилось недолго и вдалеке друг от друга. Мишу после окончания училища отправили в Ленинград в

авиачасть, должны были послать на финскую войну, которая, к счастью, вскоре закончилась, и он туда не попал.

А вот во время Отечественной войны он оказался в дальней авиации и 9 сентября 1941 года не вернулся из полёта. Больше никаких вестей о нём никогда не было...

Жизнь иногда творит удивительные вещи. В 1948 году после смерти нашей мамы Наташа по приглашению подруги-сокурсницы Ирины Кротовой, которую мы все звали Милой, приехала в Москву и получила назначение в одну из школ города Пушкино. Вернувшись в Москву за вещами, которые оставила у Куницких, она немного замешкалась и осталась у них ночевать. А утром в дверь раздался звонок, она пошла открывать и чуть не упала в обморок. Ей показалось, что в дверях стоит Миша. Но это был его младший брат Ваня, в то время тоже

Слева направо: Ваня Калинович, впереди наша дочь Маша, за ней Зина Плаксионова, гостя из Одессы, моя жена и моя сестра, Ужгород, 50-е годы

военный. Ехал он в отпуск в Горловку и чуть ли не собирался подыскать там себе невесту. Однако оказалось, что он давно уже был влюблен в Наташу. Иными словами, никуда он больше не поехал, а вскоре они вместе с Наташей вернулись в Ловозеро в Карелии, где служил Ваня.

Брак оказался счастливым. Прожили они вместе больше сорока лет, родили двоих детей - Наташу и Мишу. В начале пятидесятых годов Ваня демобилизовался в Мурманске, где потом чуть ли не до конца жизни проработал в военкомате. А Наташа стала преподавать историю в одной из городских школ,

где завоевала большое уважение и была даже депутатом горсовета.

Когда мы жили в Ужгороде, они приезжали к нам каждое лето отдыхать. Успели они побывать и в Мальтино...

* * *

А теперь я попытаюсь вспомнить всё, что знаю о сестрах и брате моей мамы. Летом 1934 года к нам в Горловку приехал дядя Павел и уговорил моих родителей отпустить меня к нему на каникулы.

Сначала мы заехали в Новочеркасск, где дядя учился в ветеринарном институте, а затем из Сталинграда по Волге до станицы Дубовка, знаменитой своими дынями того же названия. В этом плавании по Волге я увидел Павла совсем другими глазами.

Недалеко от нас на палубе сидела молодая пара цыган, которая почему-то очень веселилась. Павел повернулся к ним и очень суровым тоном произнес что-то на цыганском языке. Цыгане буквально обалдели и, пробормотав что-то извиняющимся тоном, поспешили убраться подальше. Оказалось, что они просмеивали всех своих соседей, и дядя пристыдил их.

А цыганский язык он знал с 14 лет, когда сбежал из дома и почти год провел в цыганском таборе. С тех пор он полюбил лошадей и прекрасно разбирался в них. Во время гражданской войны он снабжал армию лошадьми и, судя по всему, не только красную. Приобретал он лошадей для продажи где-то в астраханских степях и в Калмыкии.

Я уже упоминал, что он в двадцатых годах был в Геленджике вместе с дедом, а когда их пароходы отобрали, уехал на Дон, и потом в Дубовский район, где устроился ветеринаром в животноводческий совхоз.

Я пробыл у него всё лето, и с удовольствием по его поручению разъезжал на пролетке по фермам записывать надои молока. Пастухами и доярками, в основном, были калмыки, которые всегда приглашали меня в свои юрты и угощали кирпичным чаем, заправленным жиром и даже посоленным. Юрты у них на добрый метр были выкопаны в земле, а сверху покрыты парусиной с большим круглым отверстием посередине. Под ним стоял большой котел с этим чаем.

Помимо лошадей, Павел всю жизнь увлекался охотой и даже держал гончих собак. Но мне запомнилась только охота на уток-нырков, которые

успевали всегда нырнуть раньше, чем я успевал нажать на курок.

А в охоте на дроф я должен был на той же двуколке ехать потихоньку зигзагами, подгоняя птиц к охотникам, которые засели в километре от меня.

К сожалению, ни нырков, ни дроф на этих охотах мы так и не добыли. Зато нигде больше за всю мою жизнь я не налавливал такого огромного количества карасей.

Сафонов Павел Семенович. 20 августа 1954г

У соседа был приличный невод, и мы с ним на дрожках отпраплялись к отдалённым степным прудам. Небольшие балки и впадины специально перегораживались плотинами, чтобы собирать паводковые воды, которой летом поили скот. Ну, а перелетные утки и гуси, отдыхая в этих прудах, оставляли здесь икру карасей, прилипшую к их лапкам в предыдущих водоёмах. Появляющиеся мальки в этих прудах быстро растут, и мы бреднем набирали вполне приличных карасей чуть ли не полный мешок.

У Павла был один сын — Митрофан, с которым я не очень ладил. Однажды мы даже подрались, и я ожидал нагоняя от дяди. Но он только произнёс: «Ну, если ты даже такого спокойного парня, как Степан, вывел из себя, то и получил по заслугам».

А в 1937 году, когда все сестры собрались у Павла, который к тому времени опять переехал на Дон (названия станицы никак не могу вспомнить), кто-то из них попросил Митрофана нарвать вишен, в ответ на что он потребовал по 20 копеек за стакан. Все отказались от вишен. Он был, наверное, на 2 года моложе меня и во время

Митрофан Сафонов с отцом

войны попал на фронт. После демобилизации он сменил имя и стал уже Дмитрием, а тетя Галя звала его Лжедмитрием. Он окончил педагогический институт и работал преподавателем в одной из школ Волгодонска, был женат, но очень недолго. После 1937 года я с ним больше не встречался, а вот с Павлом пару раз виделся в Москве у Гали и даже читал его, весьма неплохой, рассказ в журнале «Охота и рыболовство».

У него, на Дону, Куницкие Галя с Алешей часто гостили летом. А когда мы покинули Ужгород, то и Наташа с Ваней отдыхали у него. Но в семидесятые годы и Павел, и его жена, а вскоре и сын умерли.

* * *

Кажется, году в 33 к нам в Горловку приехала тётя Вера с Катей, дочкой от второго брака. От первого брака было двое детей, с которыми я познакомился уже в Москве у Гали, когда учился там в институте. Дочь, Ольга Замятина, кажется, в 16 лет ушла из дома и больше к матери не возвращалась. Когда я ее встретил, кажется, в 39 году, она собиралась ехать на работу на остров Шпицберген. Больше я ее не видел.<...>

Ее старшего брата Николая Замятина я тоже в свои студенческие годы встречал у Гали. Кажется, он был инженером, был женат и имел двух сыновей. С первых дней войны попал на фронт и погиб.

Тётя Вера с Катей, приехав в Горловку, сперва жили вместе с нами, а потом наняли комнату неподалеку.

Вера подрабатывала шитьем, но в основном жила на деньги, которые ей посылали все сестры. Катя училась в одной школе со мной и по окончании ее в 30 году приехала в Москву и поступила в железнодорожный институт, но так его и

Катя Рожановская, Анапа, 1926 год

не окончила. Дядя Алеша мне как-то рассказал, что ее жених был в 41-ом году убит на фронте, и это так потрясло Катю, что она попала в психбольницу и пробыла там около восьми месяцев. Выйдя оттуда, в институте она уже не восстанавливалась, а когда освободили Ейск, куда ее мать попала в эвакуацию, уехала из Москвы к ней.

Там она и познакомилась со своим будущим мужем Валерьяном Ртищевым, военным фотографом, который после войны оказался в Алма-Ате, и Катя вместе с матерью переехала к нему. С тех пор Казахстан и стал для них родным. Там в 1966 году я снова увидел Катю и Веру и познакомился с Катиним мужем и тремя их дочерьми.

* * *

После 10 класса я отправился поступать в Краснодарский сельскохозяйственный институт. Но без приключений не обошлось.

Дело в том, что сперва мы всем семейством поехали к дяде Павлу, куда съехались и мамы сестры. От него я уехал в Сталинград, где сел в общий вагон пассажирского поезда. Ночью я задремал, а когда проснулся, то обнаружил, что потайной карман, пришитый мамой почему-то сзади, взрезан бритвочкой и единственная сотня рублей, спрятанная в нём, исчезла, а мой бумажный паспорт валялся под ногами. Хорошо, что несколько рублей лежало в другом кармане. Их хватило на буханку хлеба, а главное, на посещение бани, где давали справку о прохождении дезинфекции, без которой в общежитие института не пускали. А вот деньги на телеграмму родителям пришлось попросить у соседей по комнате.

Экзамены я сдал без единой тройки и был принят на самый престижный факультет виноградарства и виноделия. Вскоре я отпраздновал свое восемнадцатилетие, что сделало меня в своих глазах вполне взрослым человеком. Прежде всего я отказался от родительской помощи. Стипендии в 90 рублей, конечно, на жизнь не хватало, но мы нашли работу на грузовой железнодорожной станции, где по ночам разгружали вагоны. Особенно запомнился вагон с известью. Пара взрослых работяг, надев респираторы, взялась в вагоне наполнять нам тачки, а мы по доскам катили их метров за пятьдесят под навес. На беду, начал капать дождь, и пропитанный известью мой единственный костюм пришлось потом долго приводить в божеский вид.

Но зато за эту ночь мы заработали по 50 рублей. Работали мы и на разгрузке барж на реке Кубани, на очистке зерна от жуков-долгоносиков, но там заработок не превышал десяти рублей.

Об учебе почему-то у меня не осталось почти никаких воспоминаний, но хорошо помню институтскую библиотеку, где было много книг, изданных еще до революции. В том числе и книг, которых в советское время вообще не издавали. И, конечно, я продолжал увлекаться волейболом, тем более, что меня взяли в сборную студенческую команду города. А в институте я возглавил команду первого курса и играл в ней не в привычной роли защитника, а уже нападающего, что очень пригодилось мне в дальнейшем.

К сожалению, будущая моя профессия агронома почему-то не очень увлекала и радовала, и после первой сессии, на которой умудрился провалить высшую математику, я решил расстаться с институтом и пойти уже учиться на геолога. Эта профессия в те годы была не менее популярна, чем профессия лётчика или моряка. Родителей мое решение, видимо, расстроило, хотя и возражать они не стали. Но эти полгода я провел не столько за учебниками, сколько в спортзале, увлекаясь не только волейболом, но и боксом, прыжками в высоту и длину, а также бегом на короткие дистанции. Всё это мне очень пригодилось впоследствии.

Конкурс в московском институте геологии оказался для того времени небывалым — восемь человек на место, и хотя я сдал все экзамены на четверки, а по физике получил даже пятерку, но в последний момент оказалось, что за письменную работу по литературе мне поставили тройку — и конкурса я не выдержал. Правда, тут же ко мне подошел представитель такого же института в Свердловске и сказал, что с этими оценками меня без дополнительных экзаменов примут в их институт. Но мне уже не хотелось расставаться с Москвой, и я отказался. Единственным институтом, где экзамены были в сентябре, был институт физкультуры, куда я и отправился.

И тут мне очень помогла моя спортивная подготовка, так как здесь, кроме обычных экзаменов, необходимо было показать и довольно высокие спортивные показатели. Экзамены, в том числе и спортивные, я успешно сдал и опять стал студентом.

Поселили нас в Измайлово, в обычном трёхэтажном доме с трёхкомнатными

квартирами. Мне повезло оказаться в небольшой комнате, где поместилось всего две койки. Соседом моим стал парень из Свердловска, Вадим Бочков, с которым мы крепко подружились.

Добираться до института нам приходилось в переполненных трамваях, частенько повиснув на ступеньках, а иногда и сзади, на буфере. Иногда мы просыпали и, чтобы избежать наказания за опоздание, шли в медсанчасть к доктору Бовину (даже фамилию его запомнил, что редко со мной бывает), а перед этим шли к медсестре, которая ставила нам градусники. Но предварительно мы засовывали под мышку пузырек с горячей водой и термометр показывал нужные нам 37 градусов. Однако после нескольких освобождений от занятий доктор понял, что мы халтурим и предупредил, что больше освобождений нам не даст. И надо же такому случиться, что его при этом вызвали к телефону, а я ещё оставался в его кабинете. Увидев пачку бланков об освобождении, я чуть ли не переполовинил её. И хотя я старался не слишком злоупотреблять этими бланками, но начальница нашего курса (была в институте такая должность) в конце концов заподозрила неладное, и пошла в санчасть, где ей и сказали, что давно меня не видели. В итоге я оказался в кабинете ректора вместе с двоечниками и нарушителями дисциплины, всех нас она требовала исключить из института. Спасло меня то, что за первый семестр у меня были хорошие оценки, и я, в отличие от других, отделался строгим предупреждением.

Был на первом курсе ещё один случай, который отразился на моей дальнейшей судьбе. В 1938 году во всех институтах появился «Краткий курс истории ВКП (б)». Мы начали его изучать на лыжных сборах, проходивших на базе института возле Серпухова. Лекционных залов там не было, и занятия проходили в обычном спортзале, где стулья и скамьи заменили гимнастическими матами. На лекции присутствовал весь наш курс, сидеть на матах было не слишком удобно, а лектор, опасаясь что-либо пропустить или сказать не так, как надо, просто читал свой конспект. Неудивительно, что вскоре его перестали слушать, начались разговоры с сидевшими, а вернее, полулежавшими рядом девушками, и лектор так и не смог навести порядок. В конечном итоге он прервал лекцию и пошел жаловаться на нас начальнику сборов. Я даже не обратил на это внимания, так как по своему обыкновению сидел в задних рядах и читал интересную книгу. Я продолжал читать и тогда, когда все покинули спортзал, но тут ко мне подошел парень из нашей группы и сказал, что меня требует начальник сборов, так как ему сказали, что именно я повинен в срыве лекции. А когда я подошел к начальнику сборов, то этот же парень указал мне на того, кто меня оклеветал. Всё это было настолько нелепо и неправдоподобно, что я возмутился и схватил клеветника за горло. Видимо, я настолько был взбешён, что ребята еле оттащили меня от него, а начальник сборов, ни о чём не спрашивая меня, понял, что я и вправду ни в чем не виноват. Я ему за это до сих пор благодарен. Его фамилии я так и не вспомнил, но знаю, что он был летчик, попавший в аварию и уволенный из авиации.

А вот фамилия подлеца, оклеветавшего меня, была Кулагин, и при каждой встрече с ним я поливал его последними словами.

В самом конце учебного года произошёл ещё один неприятный эпизод. На общем собрании группы подводились итоги успеваемости. А надо сказать, что в начале учебного года нас всех заставили заполнить бланки, в которых мы обязывались получить по каждой из дисциплин те или другие оценки. Не знаю уж, какой чёрт заставил меня выступить и произнести, что теперь уже поздно об этих обязательствах говорить. И вдруг представитель администрации, который вёл наше собрание, прервал меня и сказал, что мое выступление сугубо враждебное, а затем предложил проголосовать за такую оценку моего заявления. Я, как всегда, сидел сзади и с удивлением наблюдал, как одна за одной поднимаются руки, в том числе и моего друга Вадима Бочкова. К моему счастью, открылась дверь и представителя администрации пригласили в ректорат. А когда он ушел, вдруг поднялся осетин (кажется, по фамилии Газаев) и сказал: «Братцы, он же ничего плохого не сказал, давайте переголосуем!» Все с большим удовольствием это и сделали. Не знаю, что там было с протоколами собрания, но меня больше не трогали, и я, успешно сдав экзамены, уехал домой на летние каникулы.

Возвратился я в Москву осенью, когда повсюду шла мобилизация в армию. Германия начала оккупацию Польши. А мы, по всей вероятности, в соответствии с пактом Молотова и Риббентропа ввели туда войска с востока и за счет Польши значительно расширили территорию Белоруссии. Тогда же вышел закон о призыве в армию студентов, и вскоре нам в ультимативной форме предложили перейти на военный факультет. Конечно, не обошли при этом и меня. Поразмыслив немного, я решил, что это мне вполне подходит. Служба в армии в те времена была вполне почетной, а главное, все свои проступки я оставлял на общем факультете.

Небольшой, но дружной компанией мы поехали на ВДНХ, где был павильон «Главликёрводка» с очень редким в те времена баром с коктейлями. Но нам больше понравилось дегустировать ликёры, которых мы до этого вообще не пробовали. Тем более, что нас обслуживали девушки, наливая ликёры в маленькие 25-ти граммовые рюмочки. Надегустировались мы вполне прилично, ведь стоило это недорого, а вернувшись в институт, попали на выступление знаменитой тогда актрисы Любви Орловой, которая в самом нашем большом спортзале демонстрировала свой коронный номер — танец на пушке из кинокартины «Цирк». Так мы попрощались с гражданской жизнью...

Немалым поводом для поступления на военный факультет был и материальный стимул. Я прекрасно понимал, что родителям всё же трудно помогать и мне, и Наташе. Заработать же в Москве было очень трудно. А на военфаке стипендия была 200 рублей, не говоря уже о бесплатном обмундировании. Одежда в те годы стоила недешево, а главное, она была в дефиците, и купить костюм для студента было просто нереально.

Но переход на военный факультет не обошелся без неприятного сюрприза. Помкомвзвода, а проще говоря, старостой нашей группы оказался тот самый мой враг Кулагин. Довольно быстро он начал использовать свои властные права и

делать по всякому поводу, а чаще и без повода, всевозможные замечания, а то и объявлял мне наряд вне очереди. Естественно, я не слишком долго терпел его издевательства и перестал выполнять его приказы. Он побежал жаловаться начальству, и меня вызвал к себе начальник курса, полковник, которого мы звали «дядя Коля». Он оставался в армии с времён гражданской войны и носил весьма редкий тогда орден Боевого Красного знамени. Он сперва пригрозил мне штрафными батальонами, которые недавно были созданы, но, выслушав мои объяснения, как ни странно, стал на мою сторону, попросив только потерпеть пару недель. А через две недели меня перевели в единственную на курсе группу, выпускники которой после окончания учёбы шли служить в авиацию. Старостой здесь был взрослый мужик, отслуживший срочную службу в армии и имеющий семью. С ним у меня установились очень хорошие отношения, и до самого выпуска я от него замечаний не получал.

* * *

Рассказал я обо всех этих неприятных перипетиях для того, чтобы подчеркнуть, как играет с человеком его величество случай, и что судьба меня всё же хранила, и что хороших людей во все времена было довольно много. Но, пожалуй, рассказал не только для этого... Я совершенно убежден, что именно все эти неприятности, в конечном итоге, сохранили мне жизнь и даже создали нашу семью, в чем вы убедитесь из дальнейших моих рассуждений. Останься я на гражданском факультете, обязательно попал бы в ОСБОН, то есть батальон особого назначения, созданный из студентов нашего института и столичных спортсменов-лыжников. К концу войны в нём остался один боец из десяти. А не попади я в авиацию, то попал бы в пехотное училище, которые в начале войны бросили на оборону Москвы, где тоже полегло немало народу. Есть и ещё печальная статистика - из ребят, рожденных с 1918 по 1921 годы, осталось в живых только трое из десяти.

Но ещё важнее для всего нашего семейства, что я попал в Чугуевскую школу пилотов, которая в эвакуации оказалась рядом с Ташкентом, где

*Ира Пташикова, Наташа Балакина и
Мила Люби (внизу) - студентки
довоенного истфака МГУ*

жил Ирин отец, Василий Евгеньевич Пташников, и куда договорились, в случае необходимости, переехать мои родители. В противном случае наше знакомство с моей будущей женой могло и не состояться.

Кстати сказать, первой девушкой, с которой я познакомился в Москве, была именно Ирина Пташникова. Сестра пригласила меня в консерваторию, а с ней вместе пришел Володя Скворцов, будущий муж Милы Люби, и — Ира. Я даже не знаю, стоит ли говорить об этом, но она мне сразу приглянулась. Больше того, когда Володя, который был москвичом и мог себе позволить небольшие траты ради галантности, купил в буфете пирожные, среди которых были два одинаковых, то я загадал, что если я возьму одно из них, а Ира — второе, то и я, значит, ей симпатичен. Конечно, ни о чем большем я и не мечтал. Ведь она была немного старше меня, училась уже на втором курсе, и ко мне, как я предполагал, могла относиться только покровительственно. Тем более, что поначалу мы с ней встречались довольно редко.

Правда, Новый, 1939 год я встретил на знаменитой Стромьнке, в студенческом общежитии Московского университета. В комнате Наташи жило 14 девушек, в том числе Мила Люби из Новороссийска, Ира Оберт и Ира Пташникова, одноклассницы из Одессы — и все они остались подругами на всю жизнь. С ними я и провёл Новый год, но Ира оставалась с нами недолго, после 12 часов ночи она ушла кататься на коньках. Хотя, возможно, и на свидание с сокурсником, поэтом Николаем Майоровым, в которого, как я узнал значительно позднее, она была влюблена. В дальнейшем мы встречались чаще всего у тётки Гали, куда она приходила вместе с Наташей.

<...>

Отношения у нас с ней становились всё более дружескими и даже родственными, особенно после того, как она провела зимние каникулы у наших родителей в Горловке. Дело в том, что ее отец в это время сидел в тюрьме (по обвинению в шпионаже - он якобы передал японцам секретный состав молочной кислоты !), и ей вообще некуда было податься.

Но, пожалуй, больше всего мне запомнился один вечер, когда я отважился проводить ее домой. Но сперва мы дошли до Елоховской площади, где я усадил Иру на скамейку, а сам побежал на вечернюю поверку. Отметившись, я прибежал обратно, и мы пешком отправились на Стромьнку, куда добрались после часа ночи. А так как метро уже не работало и трамваи не ходили, Ира разорвала свой пропуск пополам, и, показав дежурной издали эти обложки, мы прошли в общежитие и провели всю ночь, сидя на широком подоконнике рядом с комнатой Иры. О чем мы болтали, я уже, естественно, не помню, но, видимо, этот разговор был интересен и приятен нам обоим. А когда началась война, первой, кто пришел ко мне на военфак, была Ира. Она же и проводила меня, когда я уезжал в Чугуев.

<...>

22 июня 1941 года я что-то зубрил, когда вошел знакомый с очень мрачным

видом. Я даже спросил его, чего он такой мрачный. А он взглянул на меня с удивлением и произнес: «Так война же, включи радио!» Я включил радио и услышал голос Молотова, его памятную речь о начале войны.

Естественно, я сразу натянул на себя военную форму и помчался на факультет. Там меня срочно направили в военкомат, помогать разносить повестки о немедленной мобилизации. <...>

* * *

В Чугуеве я пробыл всего пару дней, а потом меня отправили в 4-ю эскадрилью на хутор Благодатный. Там располагалась еще одна эскадрилья, где начальником физподготовки, так именовалась наша должность, был парень, по фамилии Пекарь, он тоже окончил наш факультет. Мы с ним быстро нашли общий язык не только из-за общей профессии, но и потому, что училище с большим трудом переходило на военные рельсы и о физической подготовке курсантов все совершенно забыли, а нас использовали, в основном, как дежурных, которые принимали сообщения постов ВНОС (я уже не помню, как это расшифровывается) о появлении немецких бомбардировщиков, которые летали бомбить Харьков. Мы с этим Пекарем тоже попали там под бомбежку, когда поехали в город, в котором у него была знакомая девушка. Наши лётчики даже пытались на самолётах И-16 подбить «Юнкерсы», но безуспешно. У наших истребителей скорость была заметно ниже, чем у противника. Но зато навсегда запомнилось, как какой-то курсант, решив проявить свое мастерство, закрутил петлю вокруг нашего пассажирского «Дугласа» и при этом врезался в землю с такой силой, что мотор самолёта вошел в землю на глубину в три метра. Пожалуй, еще мне об этом периоде запомнился полёт в Чугуев на самолёте У-2 на курсы, где меня сделали лектором, и я учил курсантов защите от химического нападения. А в сентябре, дней за десять до взятия Харькова немцами, мы получили приказ об эвакуации. Самолёты и инструктора улетели сразу; технический персонал и семьи уехали специальными эшелонами; строевые командиры, а к ним относился и я, ушли с курсантами пешком. Я, возглавив роту курсантов, для того, чтобы никто не отставал, пересказывал им интересные книги, что ребятам очень нравилось, и они тесно окружали меня и безропотно преодолевали километр за километром. По пути мы остановились в селе возле Россоши, да еще и с днёвкой, и я сумел навестить тётю Саню и ее мужа Сергея Пономарёва. <...>

* * *

Пройдя около 500 километром, мы, наконец, дошли до города Калач, где нас уже посадили в эшелон и довели до Баку. На пароходах мы добрались до Красноводска, а затем поездом пересекли Туркмению и Узбекистан, завершив путешествие на станции Арысь, Чимкентской области Казахстана. А через пару недель я отпросился съездить на воскресенье в Ташкент, чтобы узнать, сумели ли мои родители туда добраться. Доехал я попутным санитарным поездом еще вечером в субботу, но так как сумел до этого потерять адрес Иры, то провел ночь на вокзале, набитом до отказа эвакуированными. Да и весьма большая

привокзальная площадь была полностью заполнена людьми, сидевшими или лежавшими на своих вещах. А часов в 8 я уже был в адресном бюро, где мне разыскали адрес Пташниковых. Вскоре я на Бешагаче стучал в калитку одного из узбекских домов. И сразу же через щель увидел, что ко мне приближается женская фигура в белой блузке. И это была Ира, которая бросилась мне в объятия. К сожалению, ни моих родителей, ни весточки от них у неё еще не было. Но зато мы с ней уже были вместе, что и решило нашу дальнейшую судьбу.

Во второй мой приезд в Ташкент а застал маму с Наташей и Вовкой уже здесь, а отец, не поверивший, что мы отдадим Донбасс, еще на неделю остался дома. Но доехал он только до Ростовской области, где устроился на работу каким-то инспектором, где ему даже выдали пару лошадей, на которых он вскоре вынужден был уехать дальше, за Волгу. А там он уже начал работать сторожем на частных огородах, так что в Узбекистан он попал только в 43 году. Наташе в милиции сказали, что в Ташкенте прописывают только тех, у кого здесь есть родственники, и мама предложила нам с Ирой расписаться, чтобы мы, хотя бы фиктивно, стали родственниками. Что мы без особых раздумий и сделали 1-го декабря 1941 года и даже распили бутылку вина по этому поводу, после чего я сразу же возвратился к себе в Арысь. <...>

* * *

А спустя несколько недель мы с Ирой начали жить вместе. Я утром убегал в наш авиагородок, где вел уроки физкультуры или химзащиты. Вечером возвращался домой, мы зажигали печку, укладывались возле неё на ковер и, обнявшись, начинали бесконечные разговоры. Мы делились своими воспоминаниями, обсуждали самые разные вопросы, читали книги. Ира привезла с собой стихи Гумилева и Ахматовой, которые подсказали, что в поэзии вкусы у нас почти одинаковые. Да и во многом другом мы были схожи и от повседневного общения становились друг к другу всё ближе и ближе...

Иногда мы вообще вели себя по-детски. Вдруг решили проткнуть друг другу уши, чтобы носить серьги. Наверное, потому, что у Иры нашлась одна большая серьга для меня. Она проткнула мне мочку иголкой и оставила в ней нитку, чтобы дырочка не заросла. Мне показалась эта операция довольно неприятной, и протыкать уши Ире я отказался. Причинить ей малейшую боль я был не в состоянии. Через несколько дней нитку в моем ухе заметил политрук и заставил ее вытащить, чтобы не показывать плохого примера курсантам. С этим требованием я, скрепя сердце, согласился, а вот на требование командира эскадрильи перейти на казарменное положение категорически отказался, потребовав предоставить мне квартиру в авиагородке, чего он сделать не мог. Не знаю, какую цель он при этом преследовал, но на его слова, что завтра же я должен выполнить приказ, а потом могу его обжаловать у начальства, я ответил, что никуда не перееду и что пусть он на меня жалуется. Разговор, конечно, шел на повышенных тонах и его услышал начальник штаба, сидевший в соседнем

кабинете и, вбежав, приказал мне выйти. Фамилия его была Маро, и мы с ним неплохо ладили. Не знаю, о чем они говорили, но этот поступок явно определил мою судьбу. Но, главное, о переходе на казарменное положение никто уже не заикался. Я, чтобы морально оправдать себя, подал очередной рапорт об отправке меня на фронт. Я пишу «в очередной», потому что до этого подал их уже несколько. И не потому, что так уж рвался на фронт. Просто политруку надо было показывать настроение офицеров, и он с каждым из нас заговаривал об этом и с удовольствием принимал наши рапорта, чтобы отчитаться, что настроение у нас у всех бодрое и воинственное. Уже после войны ко мне в руки попало мое личное дело, в котором был десяток подобных рапортов и не меньше выговоров и домашних арестов.

Летом 1942 года к нам в Арысь приехали мама с Наташей, которая вскоре съездила в Чимкент и получила назначение учительницей в село, расположенное где-то посередине между Арысью и Чимкентом. И к началу учебного года мы с Ириной отправились провожать их в это село. С собой захватили десяток килограммов соли, которой в магазинах уже не было. Незадолго до этого в Арысь привезли вагон соли и её продавали прямо ведрами. Вот мы и приобрели по дешёвке пару ведер, а в селах она стоила на порядок дороже. Назад мы несли полный рюкзак картошки, каких-то овощей, сала и даже два десятка яиц. В обратный путь мы вышли в середине дня и к дому, вернее, к речке Арысь, подошли глубокой ночью, прошагав около 40 км. Кстати, Ира была уже на пятом месяце беременности, но шагала бодро и уверенно. Однако сплошная темнота и очень холодная вода в реке ее напугали, и мне пришлось повесить рюкзак ей на плечи, а ее посадить себе на плечи и зашагать по очень каменистому броду. До сих пор помню, как я боялся поскользнуться и уронить в реку свою драгоценную поклажу. Но все обошлось благополучно, и часа в два ночи мы были уже дома.

Я не случайно вспомнил об этом первом совместном походе, в котором мы на практике убедились, что нам приятно шагать вместе, что сил для многочасовых переходов у нас вполне достаточно. В дальнейшей нашей жизни мы прошагали или прошли на лыжах не одну тысячу километров. Ну, а принесённые из первого нашего похода продукты тоже были никак не лишними. Все мы тогда жили впроголодь, но такого бедствия, как в 1932-33-ем годах, во время войны я не видел. Даже опухших от голода я не встречал.

Как я и ожидал, с Арысью мы скоро распрощались. Только успели отвезти маму к Наташе в село, как поступил приказ переехать в Чимкент, где меня вроде назначили командиром роты курсантов, но на самом деле я, как и раньше, оставался преподавателем физкультуры. С квартирой здесь все решилось просто. В доме, где жили офицеры, в том числе и мой начальник Забелин, был большой холл с балконом. Взглянув на него, я предложил отгородить его от коридора фанерными листами. Хозяйственники приняли мою идею на ура и, отгородив холл, перегородили его ещё на три комнаты, по 2,5 метра шириной. Нам досталась лишь одна из этих комнат. Я не забыл прихватить из Арыси и нашу чугунную плитку, а трубу вставил в вентиляционный люк. И мы зажили вполне нормально,

купив 200 кг саксаула<...>

Новый 1943 год мы встретили за шикарным по тем временам столом. А в середине следующего дня Ира поняла, что ей уже пора рожать, и мы направились к железнодорожной станции, рядом с которой, как мы знали, находился роддом. Но оказалось, что его уже перевели в городскую больницу, до которой было далеко, и мы вернулись домой. На третий этаж я занёс Иру уже на руках, а сам побежал в училище за транспортом. Это было уже около 6-ти часов вечера, когда меняются караулы. Новый дежурный сразу же усадил меня в машину, и мы быстро отвезли Иру в больницу. Но оказалось, что родильное отделение с другой стороны квартала, и мне пришлось снова брать ее на руки и нести до пустого холла. На мой крик: «Кто тут живой?..» — через минуту появилась санитарка, и увидев, как корчится роженица, схватила ее за руку и повела наверх, приказав на ходу снять одежду и отдать её мне.

*Степан Степанович Балакин
(1886 - 1944)*

Рано утром я был в роддоме, где меня обрадовали, что уже через 15 минут после моего ухода родился мальчик, по традиции мы назвали его Степаном. Кстати, вскоре приехал и самый старший Степан, мой отец, который стал жить вместе с мамой и Наташей. Но после окончания учебного года они все переехали к нам, благо, соседняя клетушка рядом с нами освободилась, и они разместились в ней. А вскоре и Наташа, и Ира стали работать учительницами в УЛО - учебно-лекционном отделе нашего училища. Отец тоже пытался зарабатывать. Он купил осла, а мои друзья-курсанты утянули где-то небольшую повозку, и отец отправился в поездку по ближайшим кишлакам, где и купил

барана. Но продать мясо на базаре ему не дали и, обвинив в спекуляции, даже забрали в милицию. Пришлась мне идти выручать его. А надо сказать, что милиция тогда с военными не задиралась, и отца опустили, даже вернули ему мясо.

Так всемером мы и жили довольно спокойно. И хотя сытыми никогда не были, но и настоящего голода не ощущали. А в начале марта 1944 года я получил приказ отправиться в запасной офицерский полк, расположенный в киргизском городе Ош. Там я пробыл всего пару недель, а затем в специальном эшелоне, в товарных вагонах с нарами, нас отправили в Киевский военный округ. Добирались мы туда около месяца, и по пути я подружился молодым ленинградцем, актером ТЮЗа.

Он воевал под Сталинградом, был там ранен и получил язву желудка, которую не слишком удачно вырезали. В Аральске мы с ним купили несколько ведер соли, которая там стоила дешево, а по дороге продавали ее по 200 рублей за армейский котелок. Так что и в дороге мы питались довольно сносно, и в Киев я даже приехал с двумя тысячами рублей в кармане.

В отделе кадров капитан, открыв мое личное дело и увидев там несколько выговоров, произнёс что-то осуждающее. Но я прервал его словами, что дальше фронта он меня не пошлет. Он захлопнул мое личное дело, вручил его мне и указал на дверь. За этой дверью оказался начальник физподготовки округа, который сразу же сказал, что я назначен начальником физподготовки запасного стрелкового полка в городе Белая Церковь. Туда же был направлен и мой приятель. Переночевав в Фастове, где нас изрядно разбомбили, мы оказались в хорошо сохранившемся городе, где разместились у двух старушек в обычной сельской избе. Попав в полк, я первым делом оформил и отправил вызов Ире. Без подобного вызова билеты на поезд тогда не продавали.

Но сперва я получил от Иры письмо с печальным известием о смерти моего отца и его словах, что перед смертью хотелось бы поесть досыта.

Мне кажется, что он, как настоящий мужчина, ограничивал себя, чтобы больше оставалось детям и женщинам. О всех подробностях последнего визита Иры к моему отцу я узнал уже в июле, когда она приехала в Белую Церковь. Жизнь на Украине нам понравилась больше, чем в Казахстане, и я послал вызов Наташе с мамой. Наташа сразу же устроилась на работу в музей, где ей дали и жилую комнату. А наш полк осенью был переведен в Житомирскую область, в бывший военный городок, в село Белокоровичи. В наскоро восстановленных трёхэтажных домах мы получили большую комнату, но уже печь в ней пришлось делать самому, благо, кирпича кругом валялось сколько угодно. Вместо плиты я использовал большую чугунную кормушку для лошадей, трубы снял с развалин домов и вставил их, как и в Чимкенте, в вентиляционный проход.

27 октября Ира приготовила обед, вымыла полы и около часа дня легла в постель и попросила меня сбегать за медсестрой. Та до войны работала акушеркой, и мы заранее обо всем с ней договорились. Я привел медсестру, а она вдруг спохватилась, что не захватила йода. Я побежал обратно в санчасть, а когда вернулся, то услышал громкий голос новорожденной Наташи.

Сейчас, наверное, трудно себе представить такое, но через месяц Ира решила ехать в Москву, заканчивать пятый курс МГУ. К тому времени наш полк полностью поменял свой рядовой состав. Из Одессы к нам прибыло около пяти тысяч бывших немецких пленных, оказавшихся во Франции или Англии<...>

В начале декабря они с малышкой уехали, а я остался с двухлетним сыном.

* * *

Приглядывать за ним мне помогали старики из полковой obsługi, которым было приятнее возиться с ним, чем стоять в карауле. Надо сказать, что казармы с бывшими пленными были оцеплены двумя рядами колючей проволоки

с вышками для часовых, а в штабе полка разместилось до полусотни оперативников СМЕРШа, которые и работали с пленными.

Я общался со многими из них, особенно с бывшими спортсменами, так как организовывал для них разные соревнования, руководил утренней зарядкой.

Среди них оказался и чемпион страны по прыжкам в длину. Перед самой войной он окончил медицинский институт и уже врачом попал на фронт. При отступлении госпиталь захватили немцы и его вместе с другими пленными отправили строить дорогу через белорусские болота. Работали по пояс в уже холодной воде, и через пару недель он свалился с воспалением легких, попал в госпиталь для пленных, где работали русские пленные врачи. Они его выходили и, чтобы он не попал опять на работу в болота, оставили санитаром в лазарете. А потом он работал на шахте во Франции, где его освободили англичане и отправили домой.

Похожих историй я наслушался немало. Только в нашем полку было около пяти тысяч бывших военнопленных, с каждым из которых работали оперативники СМЕРШа. Конечно, попадались среди них и настоящие предатели, хотя в основном это были люди, попавшие в плен не по своей вине. Но, насколько я знаю, их всех отправили на Колыму на восемь лет.

* * *

Победу мы отпраздновали не 9-го, а 1-го мая, когда на Рейхстаге наши солдаты водрузили красное знамя. <...> Через полтора месяца Ира вернулась уже с дипломом. А к тому времени наш полк уже остался без военнопленных, его начали расформировывать. Так мы очутились в селе Васьковичи, расположенном между городами Коростень и Овруч. Ира сразу же поступила работать в школу, и мы получили двухкомнатную квартиру в бывшем поповском доме, где проживал директор школы.

Меня, правда, вскоре отправили в Коростень, в новый полк, но я проработал там не больше пары недель. Судя по всему, моя специальность оставалась очень дефицитной, и я стал руководителем физподготовки в 21-ом стрелковом корпусе в Овруче. Но, видимо, официально такой должности не существовало, и я числился командиром роты саперного батальона. Поначалу работа у меня оказалась не слишком интересной. Меня частенько включали в разные проверочные комиссии, а то и просто посылали с каким-нибудь пакетом то в Сарны, то в Ровно, а то и во Львов.

Но ближе к весне всё изменилось. В мае должны были состояться армейские соревнования по легкой атлетике, футболу и баскетболу, и я начал готовить и формировать команды. Опыта и возможностей отобрать хороших спортсменов у меня хватало, и в середине мая я повёз более полусотни ребят в город Ровно.

Ездить в поездах в первый год после войны было весьма непросто. Поездов было мало, и они всегда были переполнены так, что приобрести билет даже в воинской кассе удавалось не всегда. Мои частые командировки заставили меня подстраховаться и обзавестись ключом от пассажирских вагонов. И на этот раз он нам очень пригодился. Билетов на поезд, конечно, не было и мне пришлось

открыть двери нескольких вагонов и пропустить туда по десятку ребят. К утру мы были на месте и зашли сперва на рынок, перекусили, а потом уже отправились в воинскую часть, где нам выделили отдельную казарму с нарами и матрасами на них. В поезде нам выспаться не удалось, и мы сразу же улеглись на них. Я лежал в самом уголке и не обратил внимания на генерал-лейтенанта, который со своей свитой обходил казарму, поэтому я не сразу подал команду «смирно». Генерал обиделся и послал полковника за врачом, чтобы тот проверил, не пьян ли я. Полковник врача не нашел и подошел ко мне, чтобы самому удостовериться, выпивши я или нет. Не унюхав ничего, он спросил, почему я не подал команду, и я честно признался, что просто растерялся. Он доложил об этом генералу, но тот не поверил и отстранил меня от командования, передав мои функции одному из баскетболистов, имевшему звание капитана.

Я написал об этом потому, что это было последнее мое армейское взыскание, на которое я вообще не обратил внимание и, надев спортивную форму, пошел на совещание. Генерал в своем выступлении, а он был главным судьёй соревнований, не удержался от слов, что такие недисциплинированные команды, как наша, не могут рассчитывать на успех. Но мы заняли первое общекорпусное место, первое по баскетболу и второе по футболу. Я был капитаном баскетбольной команды, чемпионом по прыжкам в длину и даже, чтобы не потерять очки за пропуск, пробежал 5 км из-за болезни парня, который должен был бежать эту дистанцию. И генералу пришлось несколько раз пожимать мне руку и поздравлять с победой, вручать переходящее знамя, призы и грамоты за наши победы, даже конверты с денежными премиями. Начальник физподготовки Прикарпатского военного округа, в который мы тогда входили, не удержался и напомнил генералу, что это та самая команда, которой он пророчил поражение, тот сделал вид, что не услышал.

Домой мы ехали уже на попутном товарном поезде, и, добравшись до Овруча, я построил ребят перед окнами штаба корпуса, а сам пошел докладывать начальнику.

Он даже не сразу мне поверил — мне пришлось пригласить его к окну, поглядеть на знамя. Он поглядел и перевел взгляд на меня, на мои рваные сапоги и вызвал снабженца, который принёс мне новые сапоги, чтобы я мог показаться на глаза командующему корпусом. Но тот особой радости от нашей победы не проявил и приказал выстроить команду в красном уголке. Он сухо поздравил нас, приказал передать знамя и кубок в политотдел и покинул нас. Начальник штаба явно был немного расстроен этим и начал советоваться со мной, как лучше отблагодарить ребят. Я предложил дать нам всем по паре недель отпуска, так как никто из спортсменов после фронта еще не был дома. И это оказалась самой желанной наградой для всех.

А после соревнований я опять спросил его об увольнении и он кивнул головой. Но не хочу утверждать, что он сделал это из-за нашей победы. Тогда была массовая демобилизация, и я мог попасть в этот список просто потому, что не отличался примерной дисциплиной. Но так или иначе, а мне предстояло, как и

многим другим офицерам, ждуть приказа об увольнении из армии. Получил я этот долгожданный приказ только в самом конце августа 1946 года.

* * *

Даром времени мы не теряли. В отпуск к отцу приехала поповская дочка, которая жила в Ужгороде, куда ее мужа только что послали на работу. И она так расхваливала Закарпатье, что мы решили убедиться в этом воочию.

Ужгород, Площадь Сталина, 1946 год

Наташа с мамой давно уже жили у нас в Васьковичах, сестра работала вместе с Ирой в школе, и они с мамой и сыном квартировали в одном с нами доме. И когда начались каникулы, Ира отправилась поглядеть на Ужгород. Он ей тоже понравился, и мы решили избрать его местом нашего дальнейшего проживания. Тем более, что она и о работе для себя договорилась с директором музея. А мне она сказала, что в городе открыт университет, и мы всем семейством отправились в Киев. Но в Министерстве высшего образования мне сказали, что я опоздал и все вакансии на кафедре физкультуры уже заняты. Зато в республиканском спортивном комитете мне охотно выдали направление на работу в Закарпатье.

Приказ о моей демобилизации пришел в конце августа, и мы распрощались с Васьковичами. Но прежде чем начать разговор о гражданской жизни, стоит, наверное, рассказать, почему я так рвался распрощаться с армией. Больше всего повинен в этом мой довольно независимый характер.

Мне претило чиновничество, необходимость выполнять распоряжения, которые ты считаешь неверными, но они исходят от старшего по званию, хотя нередко и менее сведущего в деле. Да и оставаться навсегда преподавателем физкультуры мне не хотелось, хотя первое место на армейских соревнованиях было не единственным моим достижением на этом поприще. Еще в Белой Церкви я обнаружил спортивный талант у одного из своих солдат, помог ему его укрепить и даже занять первое место на армейских соревнованиях в Киеве. Правда, у меня его тут же забрали маститые тренеры, и он после войны стал членом сборной

команды страны по бегу на средние дистанции. Кстати, на тех же армейских соревнованиях я занял первое место по броску гранаты, хотя никогда этим видом спорта не увлекался. Зато волейбол сыграл большую роль в моей гражданской жизни. Но об этом чуть позже...

В Ужгород мы добирались довольно трудно. Оказалось, что железнодорожный туннель между Львовской областью и Закарпатьем не работал и километров тридцать нам пришлось преодолевать на крестьянской повозке, которую мы наняли. А в Воловце, куда мы на ней добрались, заночевали в сельсовете под охраной караула (был возможен налёт бандеровцев). На следующий день к вечеру мы на местном поезде добрались до Ужгорода и заночевали на вокзале. Утром я был уже в спортивном комитете, где меня назначили начальником учебно-спортивного отдела спортивного общества лесорубов и мебельщиков «Червона зирка». Председатель этого общества предложил мне поселиться в его комнате, которую он арендовал у цыгана. Я пишу об этом и сам удивляюсь, какими бесшабашными мы были в молодости: у нас было двое маленьких детей, а в кармане всего пару сот рублей, которых хватило бы на неделю... Сейчас я бы на это вряд ли решился. <...>

Ира в замке с нашими детьми

Ира сразу же поступила в музей, но зарплаты у нас были небольшими, а на продовольственные карточки выдавали такой минимум, что прожить на него было невозможно.<...>

Нас выручило то, что хлебные карточки на детей выдали и мне, и Ире, благо фамилии у нас были разные. Произошло так потому, что во время

войны это трудно было сделать из-за отсутствия бланков паспортов. А после получения диплома на свою девичью фамилию Ира вообще решила не менять свой паспорт. Зима 1947-о года принесла и печальное известие - умерла моя мама, и мы с Ирой полностью лишились родителей. Её мать умерла еще в 34-м году, а отец в 43-м, после года, проведённого в армии, где он заболел туберкулезом, и после увольнения из армии прожил всего несколько месяцев.

* * *

Моя работа в ДСО длилась недолго. Через пару месяцев моего начальника арестовали, он оказался руководителем бандитской шайки, а новым стал брат председателя областного спортивного комитета, с которым я не сработался. Да и сама работа спортивного чиновника мне была не по душе, и я стал преподавателем физкультуры в ремесленном училище. Вскоре мы сменили и свою квартиру, в которую так и не сумели из-за безденежья провести электричество.

Весной музей перевели в замок, где нам предложили вполне приличную квартиру с электричеством. К тому же и ясли для ребят были рядом. И мы поселились в доме, окна которого глядели на крепостной ров замка.

Но, пожалуй, пора уже поделиться и своими впечатлениями от Ужгорода. Оно было двойное. Радовал чистый и по-европейски ухоженный город, обилие магазинов, в том числе и частных. Очень нравилась природа, то, что рядом с городом высятся горы с чудесным буковыми лесами. И мне, и маме (как я, вслед за детьми, стал называть Иру) удалось побывать в горных районах и познакомиться с «верховинцами», как они себя называли, очень добродушными и приветливыми. Но поразила их бедность. Подавляющее большинство из них имели небольшие клочки земли, на которых выращивали картофель. За зерном кукурузы они раньше уезжали в Венгрию, где батрачили всё лето, и привозили оттуда 2-3 центнера зерна. Было у них, конечно, по несколько овец и коров, которых выпасали на горных лугах, называемых «полонинами». На наш взгляд, для верховинцев присоединение к Украине было благом. А вот для венгров, которые составляли основную часть городского населения и равнин Закарпатья, это было отнюдь не радостным событием. Естественно, к «восточникам», как называли они всех прибывших сюда на работу из СССР, местные жители относились не слишком дружелюбно. К сожалению, среди городского населения было и немало славян, для которых венгерский язык давно стал почти что родным и они, как и венгры, не слишком радовались послевоенным переменам. Но мы не очень обращали на это внимание.

Зимой в Ужгородском замке

Сразу же по приезду я поступил на исторический факультет университета, познакомился с ребятами с кафедры физкультуры и даже начал играть в волейбол за университетскую команду. Осенью 1946 года состоялось первое соревнование города по волейболу, и мы заняли на нём первое место, а меня после этого включили в сборную команду города и области. Но 1947 год стал для нас не только радостным, в связи с рождением в апреле еще одной дочери Маши, однако и не слишком счастливым. В июне я во время обеденного перерыва залез на шелковицу за ягодами и умудрился упасть с нее вместе с обломившейся веткой и сломать шейку бедра на левой ноге. Месяц

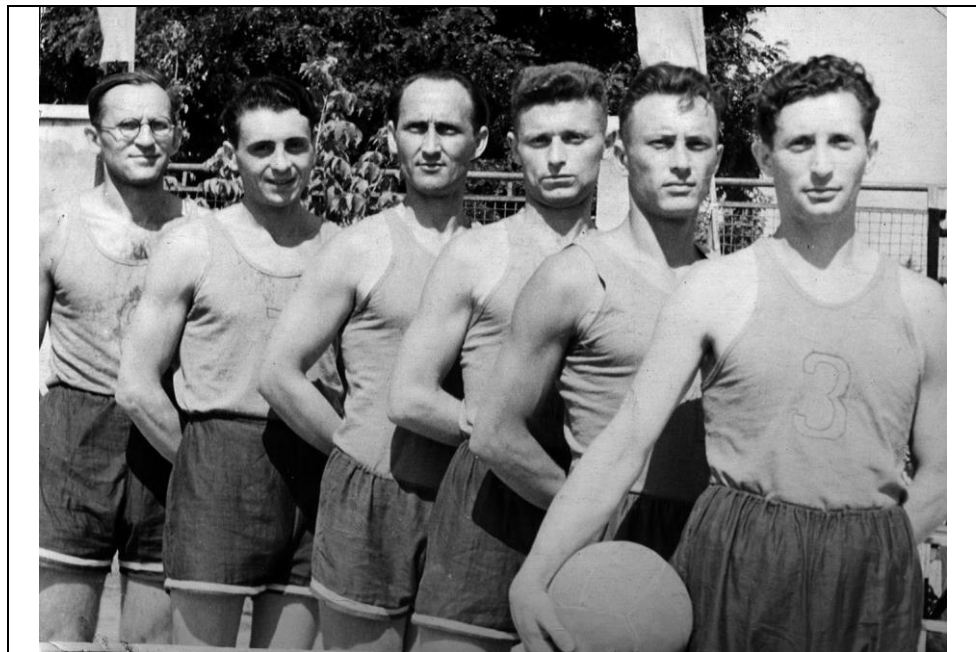
я пролежал в больнице на вытяжке, но врачи, видимо, не учли крепость моих мышц, и кость срослась на два сантиметра ниже положенного. Еще два месяца я пролежал скованным в гипсе от кончиков пальцев до самой шеи. В ремесленном училище в это время сменился директор, который, выждав положенных по закону 72 дня, уволил меня. Вооружившись костылями, я снова пошел работать в ДСО, но теперь уже в «Динамо», где и проработал около 9-ти месяцев. За это время новый директор училища успел провороваться, и его сменил бывший парторг, который сразу же пришел ко мне и предложил вернуться на прежнюю работу. И я охотно на это согласился...

Ходил я к тому времени только с палочкой и даже пробовал играть в волейбол, но уже за команду «Динамо», которую взялся тренировать.

В этой команде собралась очень неплохая компания ребят, которые стали моими друзьями на долгие годы. Это были Юзбашян, Пальчиц, Тверкин, Чапковский, которые, как и я, составляли костяк сборной команды области на протяжении последующих 7-8 лет. Мы даже входили в десятку сильнейших команд Украины и побывали на соревнованиях во многих городах республики - Киеве, Харькове, Львове, Луцке, Николаеве, Днепропетровске. И однажды даже стали чемпионами динамовских соревнований республики. Дружбу мы сохранили еще надолго, даже когда перестали играть в волейбол и разъехались по разным городам.

Где-то в конце 47-го года мы обзавелись нянькой, пожилой женщиной Анной,

которая варила еду, приглядывала за детьми, отводила их в детсад и ясли. Ира, работая в музее, довольно часто бывала в командировках и даже участвовала в московской этнографической экспедиции в Хорезм. Возможно, это не слишком нравилось директору музея Петру Сове, а еще больше — второму археологу, заместителю директора Берняковичу. В результате, летом 1949-го года ее

Первым стоит Пальчиц, вторым - я, третьим - Мариус Юзбашян (будущий глава КГБ Армении, застреленный в 1993 году), последним - Володя Тверкин по кличке Батя

уволили по сокращению штата.

Надо сказать, что её независимый характер всю жизнь портил её отношения с начальством, и ей в Ужгороде пришлось сменить немало должностей. Была она инструктором в областном отделе культуры, заменяла преподавателя истории в пединституте, когда та ушла в декретный отпуск, была корреспондентом в районной, а затем и в областной газете, работала со мной в радиокомитете, а потом инструктором детского туризма.

* * *

Но обо всем этом чуть позже, а сейчас расскажу, как я стал работником КГБ.

Весной 1949-го года я стал кандидатом в члены КПСС, причем пошел на это, уверовав, что коммунизм лучше капитализма. Теперь-то я в это верю незыблемо, так как есть, с чем сравнивать, а тогда я просто сравнил жизнь в СССР с тем, что

увидел в Закарпатье.

Когда маму уволили из музея, она уехала в Хорезм, в археологическую экспедицию. Прожить на одну мою зарплату стало трудновато. А тут еще и встреча с начальником физподготовки Прикарпатского военного округа, который увидел, как я вел группу ремесленников, и узнал меня.

В разговоре со мной он пообещал мне работу во Львове и пригрозил, что меня обязательно вернут и армию как кадрового офицера.

И правда, через несколько дней меня вызвали в военкомат и начали уговаривать написать добровольно заявление о возврате в армию. Я, естественно, отказался, но боялся, что они-таки найдут повод вернуть меня в армию.

А в это время мне сделал предложение начальник отделения кадров областного МВД Иваненко, который был увлеченным болельщиком нашей команды по волейболу и знал, что меня усиленно перетягивают в профсоюзную команду, обещая там тренерскую работу.

При этом оказалось, что когда я поступал работать в «Динамо», то заполнил многостраничную анкету, и моя биография была тщательно проверена органами МВД.

Так как фамилию деда-дворянина по своей слабости к запоминанию я ненароком немного изменил и написал не Сафонов, а Семёнов, то никаких компрометирующих меня сведений обнаружено не было.

Поразмыслив немного, я согласился на работу в МВД, при том, что работу мне предложили в отделе кадров, где не требовалось знаний оперативной работы, а зарплата вдвое превышала ту, что я получал в ремесленном училище.

Но проработал я там всего несколько месяцев, т.к. МВД и КГБ объединили в единое министерство, объединились и отделы кадров. Чтобы закончить с этой темой, скажу, что проработал в органах я ровно три года.

Кстати, единое министерство вскоре опять разделили, но меня оставили в КГБ, где я успел получить звание старшего лейтенанта, повышение до старшего оперативного работника, и даже заработал благодарность от министра КГБ Украины.

Но при очередной проверке моего личного дела выяснили, что дед Иры был раскулачен. Дело в том, что когда он был ещё молод, более богатые братья отдали ему 12 десятин земли с тем, чтобы он за них отслужил армию. В советское время он не был репрессирован, а продолжал жить в родном доме на Полтавщине и умер от голода в 1933-ем году.

Тогда я понял: это помешает мне в продвижении по службе. Поэтому при очередной реформе, предполагающей сокращение штатов, я пошел к руководителю нашего областного комитета КГБ полковнику Чернецкому и изложил свою просьбу и доводы об уходе из органов. Он согласился со мной и уже через полчаса я стал опять гражданским человеком. Но перед этим я, конечно, подумал о будущей работе.

Редактор газеты «Молодь Закарпаття» Семён Близнюк, товарищ по волейбольной команде, предложил мне должность спортивного корреспондента,

и мы даже сходили с ним в обком комсомола, где нужно было согласовать это назначение.

Гол забил Степан Балакин. Судья со свистком - Семён Близнюк

Но там нам отказали, и Семён повёл меня к редактору областной газеты на русском языке «Советское Закарпатье» Фесенко, и тот дал согласие взять меня в отдел писем, где не требовалось особых журналистских знаний. А решился я избрать эту специальность не совсем случайно. Незадолго до этого в КГБ пригласили заместителя Фесенко, чтобы он профессионально оценил качество наших стенных газет, которые писали в каждом из отделов комитета. Редактором стенной газеты отдела кадров был я, и она оказалась, на взгляд опытного журналиста, самой хорошей. Он даже предложил мне писать в его газету. Но когда я на следующий день после увольнения из КГБ явился к Фесенко, тот сказал, что возьмет меня в газету только и качестве корреспондента по Береговскому району, населённому, в основном, венграми. При этом ни о какой квартире там для меня и речи не шло. Естественно, я отказался...

Может, я и ошибаюсь, но, видимо, я сам был виновен в том, что меня не захотели принять в редакцию.

Дело в том, что, когда я был у председателя комитета, и он дал согласие на мое увольнение, я попросил его позвонить Фесенко и сказать, что меня не выгоняют из КГБ за пьянство или другие негативные причины, а что я ухожу добровольно. И он охотно позвонил Фесенко и сказал ему всё, что я просил. А тот решил, видимо, просто не связываться с бывшим работником «карательных органов».

Снова Семён настоял на продолжении поиска, и мы зашли ещё к Приходько, председателю облрадиокомитета, который находился в одном дворе со всеми редакциями. И Приходько предложил мне должность своего заместителя, которая была вакантной. Причем она не требовала журналистских навыков, да и зарплата была невысокой, всего 800 рублей, а редакторы отделов получали 1200.

Единственное, что попросил меня сделать будущий мой начальник, написать статью на украинском языке.

Я попросил на эту работу неделю, и то только потому, что в Ужгороде оказалась группа туристов из Ленинграда, которые очень просили помочь им в походе по Карпатам...

Но, наверное, пора уже объяснить, почему именно ко мне, а, вернее, к нам с мамой обратились они с этой просьбой.

* * *

Еще в 1938 году в Одессе Ира со своим одноклассником Андреем Шевалёвым побывали в альплагере и получили значки «Альпинист СССР».

А в 1950 году она уговорила и меня заняться альпинизмом. Путёвки я сумел достать, и не в простой альплагерь, а в тот, где готовили инструкторов альпинизма и куда ее приглашал знакомый директор альплагеря, симпатизировавший ей. <...>. Приехали, переночевали, а еще до подъема я проснулся, вылез из палатки и, усевшись на большой камень, закурил. Через пару минут появился какой-то мужик, подошел ко мне и суровым голосом спросил, почему я не встал при виде начальника альплагеря. Видимо, мой ответ не слишком ему понравился, и когда мы с Ирой после завтрака пришли к нему сдать свои путевки, он, увидев, что у нас в паспортах одинаковый адрес, хоть и разные фамилии, отказал нам обоим в приёме. Придравшись к тому, что у меня (выпускника института физкультуры и обладателя значка "Отличник ГТО"-!) с собой не было значка ГТО, а у мамы справки о здоровье, хотя прежде о необходимости их иметь нигде не было указано. Начальник даже соизволил предложить нам пару дней пожить в лагере, но мы отказались.

Разузнав, как нам добраться к перевалу Адылсу, который отделял от нас Черное море, и взяв провизии на три дня, мы сразу же покинули лагерь. Хоть и с большим трудом, но часа в четыре дня мы оказались на перевале, где я обнаружил свисавшую с обрыва проволоку, а на ней висел немецкий штык в виде большого ножа. Видимо, это была радиоантенна немцев, которые во время войны добрались и сюда. Отдохнув, мы спустились к речке, у которой даже приток оказался к вечеру довольно полноводным, и мама побоялась через него перебираться. Пришлось нам, устроившись на рюкзаках и крепко обнявшись, там и заночевать,

рядом со снежниками. Ни тёплой одежды, ни спальных мешков у нас не было. Утром мы легко преодолели обмелевшую за ночь речушку и через пару часов оказались возле альплагеря «Накра», где его начальник пригласил нас к завтраку, и узнав, что с нами произошло, предложил нам пару дней отдохнуть и выдал палатку и спальные мешки. А через пару дней мы присоединились к большой туристской группе и добрались вместе с ними до Зугдиди, а потом автобусом до Сухуми, откуда пароходом отправились в Одессу.

В Одессе мы провели пару недель, и я познакомился с Андреем Шевалевым и его старшим братом, с которыми мы порыбачили возле Очакова, сварили тройную уху из кефали, бычков и других наловленных рыбёшек на островке Березань, где был расстрелян легендарный лейтенант Шмидт. У меня уже оканчивался отпуск, и мы со Стёпой, который ожидал нас у родни, поехали домой, а Ира еще на недельку осталась с Наташей в Одессе.

Мое возвращение в Ужгород оказалось очень своевременным. Квартира в замке, как тогда говорили, была ведомственной, и жить в ней могли только сотрудники этого ведомства, то есть в данном случае работники музея, и нас, естественно, усиленно выдворяли...

Мой знакомый по ремесленному училищу Присташ как-то сказал мне, что его друг освобождает частную квартиру, и я могу попробовать договориться с хозяином. А я уже знал, что этот дом будет национализирован и знал, что до этого никого в этом доме прописывать не будут. И когда я приехал, то Присташ назвал уже точную дату его отъезда.

Мне, как работнику КГБ, мэр разрешил прописку, и, отправив одного из сослуживцев с машиной за нашими вещами, я с Володей Тверкиным отправился на улицу Русскую, 25, откуда, оставив своего спутника в освобождаемой квартире, сам отправился к хозяину.

У него, кстати, уже находился гражданин, которому хозяин обещал сдать эту квартиру. Я не стал особо уговаривать хозяина, а просто показал ему бумагу с подписью мэра о прописке в этой квартире и сказал, что буду платить ему столько же, сколько и тот, кому он обещал сдавать квартиру. <...>

Уезжавший квартирант официально передал ключи от квартиры хозяину, а тот через пару часов позвонил и вручил мне эти ключи, поняв, что ничего другого он уже сделать не может. Через полгода этот дом и вправду был национализирован, и мы стали обладателями очень хорошей и удобной квартиры. А с его бывшим хозяином паном Рейти и с его женой мы сохранили хорошие отношения до самого конца жизни в Ужгороде...

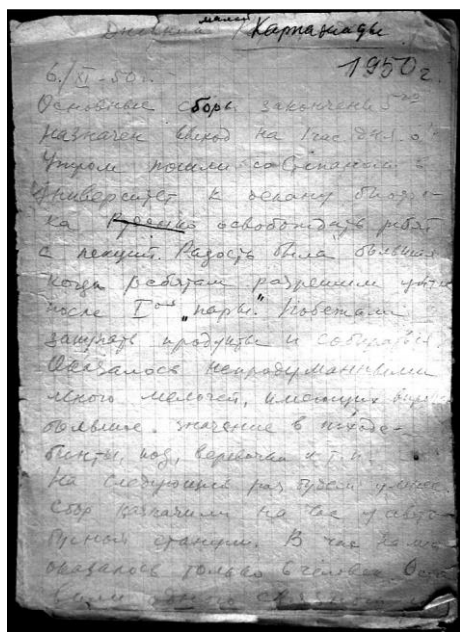

Вся наша семья, вместе с новорожденным Вовчиком Охматом, у своего дома на Русской улице, 1966 год.

Именно эта квартира на Русской и стала известной среди всех любителей туризма не только Ужгорода, но и многих других городов Украины....

У нас с мамой сработало честолюбие, и мы решили доказать, что начальник того альплагеря был очень неправ, отказавшись принять нас в лагерь. Мама даже согласилась стать председателем альпинистской секции Закарпатской области, а я чуть позже — председателем маршрутной комиссии по туризму.

В том же 1950-ом году мы организовали туристский поход со студентами университета.

А на следующую зиму я возглавил лыжный поход по Карпатам, от Рахова до Ужгорода. Этот поход стал для меня очень поучительным. Участниками его были представители всех районов Закарпатья, с которыми я познакомился уже в Рахове. Многие из них никогда на лыжах в горах не ходили, с палатками и спальными мешками обращаться не умели, да и о дисциплине в походе имели смутное представление. Одного я после первого же дня отправил вниз, второй умудрился еще через пару дней упустить лыжи с горы и найти их уже не сумел. Но, главное, несколько человек обморозили ноги. Иными словами, на пятый день пришлось свернуть с маршрута, спуститься вниз, в

ближайший населенный пункт, и чуть ли не половину участников похода отправить домой. Но оставшиеся 14 человек уже без особых приключений прошли весь маршрут и торжественно были встречены в Ужгороде на центральной площади перед зданием облисполкома. И именно эти ребята создали костяк нашей туристской секции и стали участниками будущих туристских походов. И не только в Карпатах, но и по Кольскому полуострову, Кавказу, Каракумам.

Но мы не ограничились многодневными, а значит, и довольно редкими походами. Сперва своим семейством мы каждый выходной выбирались в окрестные горы. А вскоре к нам стали присоединяться многие любители такого отдыха. Кто-то быстро отсеивался, но те, кто оставался, становились уже постоянными участниками этих походов и надёжными друзьями на долгие годы.

Они-то и стали ВИВами, ("Вперед и выше!" 0 так, в конечном итоге, начала называться наша туристская секция, девизом которой были слова Горького: "Так шествует мятежный Человек — вперед! и — выше! всё — вперед! и — выше!") Некоторые из них здесь и познакомились, и поженились— это Полупановы, Малиновские, Лисецкие. Последние и свадьбу свою справляли в нашей квартире на Русской.

Маленький Стёпка провожает нас в зимний поход, ул.Русская,50-е

С детьми в Оноковцах, середина 50-х

О других ребятах я еще вспомню позднее, а сейчас вернусь к своей работе в радиокomitee...

В мои обязанности входило чтение и правка всех подготовленных к передаче материалов, что помогло не только быстрее освоить украинский язык, но и самому готовить эти материалы. Приходько пожаловался мне, что ему трудно руководить коллективом, в котором он совсем недавно был рядовым работником: сослуживцы никак не привыкнули считать его начальником. Поэтому он попросил меня помочь ему в этом. Вскоре он ушел в отпуск, и я ощутил на себе, что с дисциплиной у некоторых работников не всё в порядке. Редактор «Последних известий», у которого я снял одну из информации утреннего выпуска, осмелился не выполнить моего приказа. Я узнал об этом еще дома, слушая радио, и, придя на работу, подписал приказ о строгом выговоре ослушнику.

Он решил поугаить меня и принёс заявление об уходе с работы, рассчитывая, что уволить его я не решусь. Но я сразу же подписал его заявление, и он побежал жаловаться в обком. Но там, узнав, что он сам подал заявление об увольнении, меня поддержали. А надо сказать, что в коллективе его терпеть не могли за хамство и были явно обрадованы моему решению. Ну, а Приходько уверовал в мои административные возможности и даже поблагодарил за мою твёрдость.

Естественно, что, кроме вычитки материалов, я начал пробовать и сам писать информации и небольшие репортажи, благо, в редакции была штатная переводчица и можно было поначалу писать на русском языке. К тому же художественный уровень большинства публикуемых у нас материалов был довольно низким и сравняться с ними было не слишком сложно.

Наверное, то, что я всегда много читал, помогало мне более или менее складно излагать события, на что обратил внимание опытный журналист, корреспондент Всесоюзного радио Сергей Журавлёв. Он предложил сотрудничать с ним, и мы несколько раз выезжали в совместные командировки и готовили уже большие передачи.

Именно он и стал моим настоящим учителем в журналистике, за что я ему очень благодарен. Единственная его беда была в том, что за время войны он стал алкоголиком. Впрочем, это была беда многих военных журналистов, а он был корреспондентом «Комсомолки», и, естественно, его всюду и всегда встречали обильной выпивкой. Да, и в мирное время, как я убедился на собственном опыте, нередко журналистов прежде всего приглашают в ресторан, чтобы заручиться их поддержкой.

С Журавлёвым мы в дальнейшем подружились, бывали друг у друга в гостях, и когда он запивал, а это случалось раза два в году, то я даже передавал в Москву информацию вместо него.

Однако это было значительно позднее, а в 1953-ем году случилась «местная кадриль», как ее назвал народ. Смысл её был в том, что на работу нужно было брать местные кадры, а приехавших из других мест задерживать с оформлением на службу. И мою должность в радиокомитете к тому времени сократили, так что я перебивался заработками от гонораров.

В обкоме партии знали о моём увлечении туризмом, и на третий месяц моей безработной жизни меня послали проверить работу турбазы в Ясиня. А туда как раз приехал новый руководитель туризма республики. Мы с ним познакомились и даже сходили на вершину самой высокой горы советских Карпат Говерлу. Узнав, что я безработный, он предложил мне возглавить турбазу в Ужгороде, и я, немного подумав, согласился.

Но для этого требовалась рекомендация обкома партии. Приехав в Ужгород, мы с ним сразу же пошли в организационный отдел обкома, куда мне не раз доводилось заходить для решения кадровых вопросов во время работы в КГБ. Соответствующую рекомендацию мне сразу же напечатали и подписали, но, выйдя в коридор, мы повстречали секретаря обкома по пропаганде Пастушенко, и он спросил, как у меня дела. Я ответил, что вот поступаю на работу в туризме, на что он отреагировал неожиданным для меня образом. Он схватил меня за руку

и поволок к себе в кабинет, где сразу же позвонил Приходько и приказал взять меня на работу.

Оказалось, что в радиокomiteте освободилась должность ответственного редактора «последних известий», которого переманил Фесенко, так как он был местным.

* * *

Так я снова очутился в радиокomiteте, в котором я проработал еще 13 лет, сменив при этом чуть ли не все возможные должности, вплоть до главного редактора. Впрочем, именно от этой должности я довольно быстро избавился. Дело в том, что главному редактору некогда было выезжать в командировки и готовить собственные материалы, что мне нравилось значительно больше, чем вычитка и правка чужих материалов.

В основном я руководил общественно-политическим вещанием, в которое входила не только пропаганда, но и промышленность, и сельское хозяйство. Конечно, и здесь приходилось вычитывать чужие материалы, так как в подчинении у меня было несколько журналистов, но всё же я имел возможность писать и собственные передачи. Пару раз мне всё это так надоедало, что я просил Приходько освободить меня от руководящей должности и становился рядовым корреспондентом. Но он разрешал мне отдохнуть не больше пары месяцев, а потом снова возвращал в руководители отдела.

Надо признать, что далеко не всегда моя жизнь и работа в радиокomiteте протекала без осложнений. Даже с Приходько, который уверился, что я не стремлюсь в начальство, всё же были столкновения. Уж очень он был боязливым и нерешительным, а иногда и просто паникёром. В 1956-м году, во время венгерских событий, нас обязали слушать и записывать венгерское радио, а кроме того, и самим вещать на венгерском языке, не называя своей радиостанции. Для Приходько это оказалось настолько трудно сделать, что он ночью собрал всех работников и боялся их отпустить домой. Утром он все же ушел отсыпаться, и я отправил по домам и многих других работников, без которых спокойно можно было обойтись. Но он, немного поспав, снова прибежал на работу, и увидев, что никого нет, опять запаниковал, и мне с большим трудом удалось его уговорить не собирать никому не нужных работников. Да и по другим, более мелким, поводам он не стеснялся будить меня среди ночи, так как сам не решался принять то или иное решение. Дело в том, что хотя я не был уже его заместителем, но добрый десяток лет из 14-ти, что проработал на радио, я оставался секретарем партийной организации, а значит, и человеком, отвечающим за всё, что происходило.

Сотрудники Закарпатского радио (мы с Ирой 3 и 4 слева направо), 60-е

В какой-то мере работа в радиокомитете мне поднадоела, а Карпаты не только в туристском отношении, но и для работы журналистом, стали тесноваты. Со своим волейбольным увлечением я расстался еще в 1956 году, съездив напоследок в Словакию, где мы сыграли в нескольких городах.

* * *

Обдумываем с сыном оптимальный маршрут, юг Украины, 60-е

Зато туризм увлекал и меня, и маму всё больше и больше. Надо прямо сказать, что, вопреки требованиям на получение высоких спортивных разрядов, мы не ограничивались только лыжными или пешими походами, горными или водными. Именно большое разнообразие путешествий нас и привлекало прежде всего. Карпаты мы излазили вдоль и

поперёк, и пешком и на лыжах. Совершили лыжный поход высшей категории сложности по Кольскому полуострову, а пеший— по Северному Уралу в районе его высшей точки, горы Народной. Побывали мы и в двух походах по пустыне Каракум, и об одном из них мама и Наталья Горбунова рассказали в отдельной книге. Наталья побывала с нами и на Кольском полуострове, и в прогулке по Черному морю.

В 1962-м году мы со Степаном съездили в Одессу на велосипедах, а по пути заехали в Болград к маминому брату Олегу Пташникову.

А когда мы вернулись домой, то у меня еще оставалась неделя отпуска, и я поехал в гости к Антону Гуцулу, старому нашему знакомому, который еще студентом побывал с нами на Кольском.

Теперь уже он был директором школы в селе Малая Уголька, в Тячевском районе, где в горах, как он писал нам, есть пещеры, в которые он хотел бы попасть, но никак не решается. Из пещер тянуло холодом и слышалось какое-то таинственное гудение - то ли ветра, то ли подземного потока.

Когда мы подошли к вертикальному колодцу глубиной до десяти метров, оттуда раздалось жалобное мяуканье котёнка, и я, не задумываясь, обвязался длинной веревкой, на которой меня товарищи и спустили вниз. Действительно, это была настоящая, довольно большая пещера со сталактитами и сталагмитами. Стало понятным и происхождение загадочного гудения: немалая колония летучих мышей при малейшей опасности поднималась в воздух и шум их крыльев, усиленный резонансом, был слышен даже на поверхности.

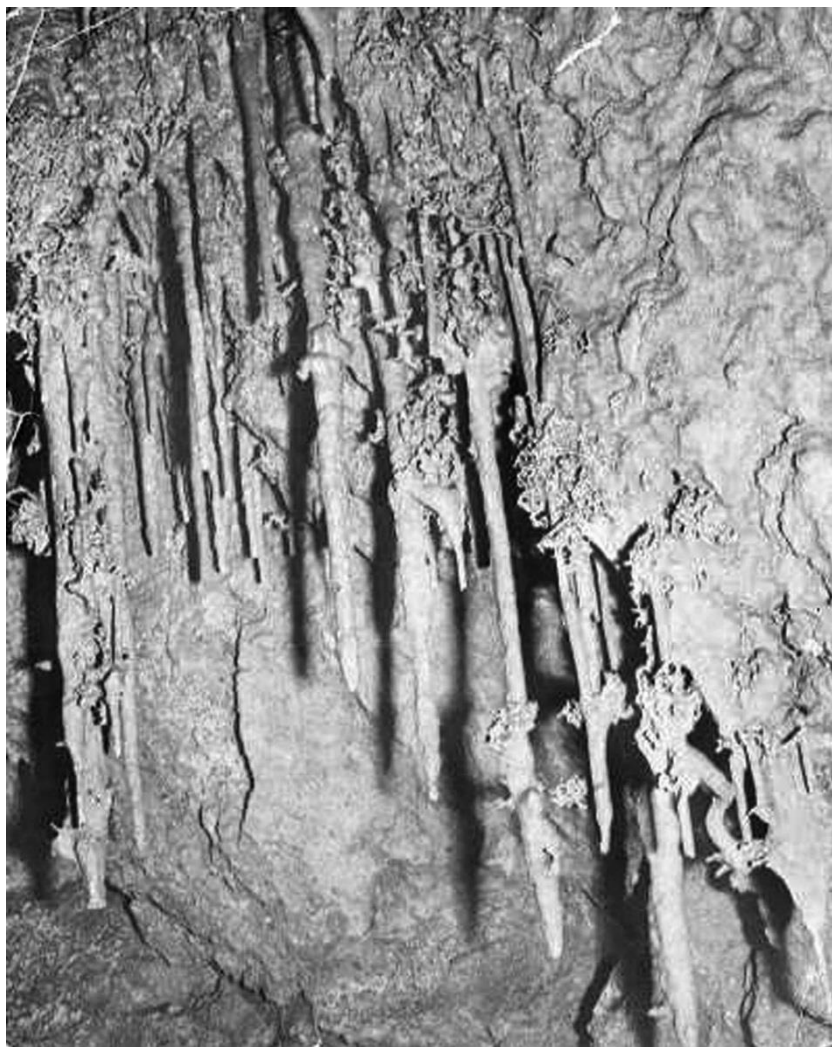
Несколько узких проходов вели куда-то вниз, но я решил только протиснуться в одну из них всего на несколько метров — и повернул обратно. Без напарника лезть дальше я не отважился. Засунув за пазуху котенка, я попросил вытащить меня, но оказалось, что ребятам это не под силу, и, вытащив котенка, они пошли срубить длинный шест, по которому я смог выбраться.

Выяснилось, что это не единственная пещера. Повыше в горах я побывал ещё в двух, в которые можно было попасть без веревки.

Пещеры меня очень заинтересовали, и на октябрьские праздники мы отправились туда уже большой группой. На следующий год мы повторили свой визит в пещеры и даже нашли новые, а через пару лет и вовсе стали заправскими спелеологами.

Занимались топографической съемкой пещер, измерением температуры воздуха, фотографированием. Снять план пещеры оказалось головоломной задачей, т.к. галереи причудливо извивались, перекрещивались, образуя несколько ярусов, расположенных один над другим. Изобразить это на бумаге нам, начинающим спелеологам, оказалось не под силу, хотя и в последующие

посещения пещер мы старательно уточняли азимуты, углы наклона ходов и прочие существенные детали. Однако трудности только подогревали наш энтузиазм.

Та самая пещера «Дружба» (Романия). Сталактиты с гелектитами.

* * *

Ещё в конце 50-тых годов в Закарпатье начали проводить соревнования по спортивному ориентированию, и мы с удовольствием в них участвовали. Дочка Наташа даже стала однажды победительницей республиканских соревнований, которые проводились в Карпатах.

Надо сказать, что последние годы нашей жизни в Ужгороде мама работала в ДЮСШ инструктором по туризму. Оттуда к нам всё время приходило пополнение, и один из ее учеников, Серёжа Евдокимов, даже стал потом известным в Союзе спелеологом. Свою уральскую спелеосекцию он тоже назвал «ВИВ»...

В наш гостеприимный дом попадали и совсем незнакомые люди. Володя Борзов, увидев в кино у рядом сидевшей девушки альпинистский значок, не удержался от вопросов и в ближайшую субботу оказался в нашем доме. Москвич, в Ужгороде проходивший воинскую службу, он в оставшиеся два года солдатской жизни не расставался с нами, став верным другом на всю жизнь. Он дважды, перед очередной женитьбой, знакомил нас со своими невестами, ожидая нашего одобрения.

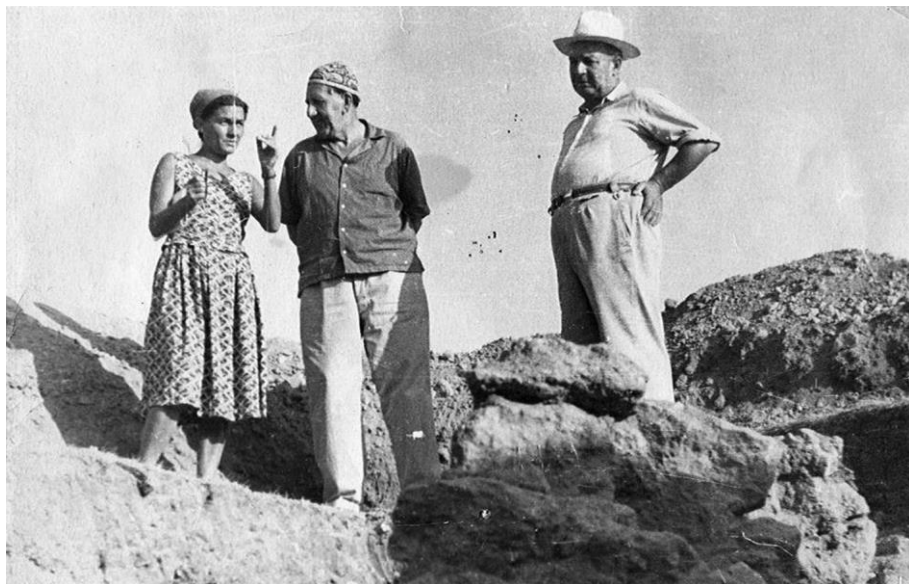
Володя Лисецкий тоже стал для нас чуть ли не родственником, тем более что Ира разыскала его младшего брата, который даже приехал к Володе в Ужгород. Их родители погибли во время войны, а Володя вместе со своим детским садом из Киева попал в эвакуацию, и затем оказался в детском доме и ремесленном училище. Брат же до трех лет жил у бабушки, а когда она умерла, тоже попал в детский дом. О существовании брата ни тот, ни другой не знали.

И для Димы Поповича, Стёпиного друга по ремесленному училищу, который прожил в нашем доме целую зиму, мы стали чем-то вроде посаженных родителей на его комсомольской свадьбе, которую сыграли на последнем курсе университета.

А Егор Семёнов оказался в нашей семье, потому что в своем родном Киеве попал в плохую компанию и почти год отсидел в тюрьме. Чтобы он опять там не оказался, мама предложила его родителям приютить его у нас. От нас он уходил в армию, вместе с Наташей работал на заводе токарем, женился и развёлся в Ужгороде, а затем уехал в Запорожье, где сделался режиссером.

* * *

Надо сказать, что мама была исключительно активным человеком, и ее всё время избирали в разнообразные туристские комитеты — не только в областные, но и в республиканские, куда ее частенько вызывали на различные заседания. Там она и познакомилась с Натальей Горбуновой, которая тоже стала нашим верным другом на всю жизнь. Она даже сумела уговорить маму отказаться от поездки в экспедицию в Среднюю Азию, а поехать вместо этого в составе делегации Украины на всемирный молодежный фестиваль в Москву. С того времени она уже каждое лето работала в археологической экспедиции в Ольвии, куда обязательно брала с собой несколько своих учеников из ДЮСШ, а иногда и дочерей.

Археолог Пташникова с руководителями Ольвийской экспедиции Карасёвым и Славиным, начало 60-х

* * *

Дети наши быстро выросли. Степан окончил ремесленное училище и вечернюю среднюю школу, полгода проработал на мебельной фабрике, потом ушел на курсы шоферов, а в 1963 году был призван в армию на три года в Ровенскую область, где начал писать стихи и песни, исполняя их на семиструнной гитаре.

Наташа тоже закончила десятилетку, съездила в Ленинград для поступления в институт, но не прошла по конкурсу, а, вернувшись домой, пошла работать. Сменив два места, она оказалась на приборостроительном заводе, где работа ей явно понравилась, и она даже стала бригадиром. Одновременно она увлеклась и Сашей Охматом, и когда он собрался поехать учиться в Горький, уехала вместе с ним. Нам с мамой это не слишком нравилось, но препятствовать мы не стали, на своем опыте убедившись, что любовь — дело святое. Весной 66-го она вернулась домой и снова пошла работать на свой завод.

Закончила одиннадцатилетку и Маша. И её попытка поступить в Ужгородский университет на истфак окончилась неудачей, и она тоже пошла работать на тот же приборостроительный завод.

Годом раньше Семён Близнюк, который работал уже в Москве, в газете «Советский спорт», приехав в отпуск, стал уговаривать и меня пойти работать в

эту газету. Убедившись, что наши дети вроде стали самостоятельными, я, наконец, дал согласие.

Меня пригласили в Москву, а потом отправили в Свердловск, чтобы я написал оттуда пару статей, от качества которых и зависело решение о приёме меня на работу. Статьи мои были благополучно приняты и напечатаны, и я вернулся домой ожидать вызова на новую работу. В конце концов предложили мне должность корреспондента в Алма-Ате, что меня вполне устраивало, так как там давно уже жила моя двоюродная сестра Катя.

Вернулся я домой очень вовремя.

Стоило сесть за свой стол в радиокомитете, как тут же зазвонил телефон и мне сообщили, что Наташа наградила нас первым внуком.

А дома я застал Степана, который бросил свою работу и готовился к экзаменам в Ужгородский университет на филфак. Он оказался пока единственным из наших детей, кто сумел сдать экзамены и поступить<...>

Мне оставалось только дожидаться вызова из Москвы, который пришел в конце августа.<...>

На следующий день я уже попрощался со всем коллективом. <...>

* * *

Из Москвы мы вместе с заведующим корреспондентской сетью Юрием Бондарем поехали в Алма-Ату, где поняли, что казахи отнюдь не стремятся принять к себе незнакомого журналиста и что у них уже есть удобная для них кандидатура. Пока Бондарь вёл переговоры, я съездил в одну из областей Казахстана и привёз оттуда критический материал. А прилетев в Москву, узнал, что Бондарь успел позвонить во Фрунзе, где никогда не было корреспондента от «Советского спорта», и киргизское начальство с удовольствием решило избавиться от этой дискриминации.

Я сразу же вылетел туда и подготовил статью председателя спорткомитета республики Омурзакова, которую немедленно и напечатали. Потом вернулся в Ужгород за мамой и вещами . <...>

Этот год ознаменовался поступлением обеих дочерей в ВУЗы. Маша стала студенткой Томского университета, а Наташа технологического института во Фрунзе. Стёпа продолжал учиться в Ужгороде, но на каникулы летом приехал к нам. <...>

Мне как собору приходилось обслуживать, кроме Киргизии, ещё и Таджикистан. Но обе эти республики особых успехов в спорте не проявляли, и мне вместо информации о различных соревнованиях, которые бы имели всесоюзное значение и были востребованы газетой, приходилось искать темы для различных очерков и статей, что вполне устраивало редакционное начальство.

Беда была в том, что чаще находились темы для критических материалов, что не могло нравиться местному спортивному руководству.

А я находил в таких статьях вкус и радовался, что о спорте можно писать правду, чего очень мне не хватало в радиокомитете, где многие темы об экономике или политике были под запретом.

Конечно, испортились у меня отношения и с Омурзаковым, особенно после того, как я написал разгромную статью об истинном положении дел со спортом в Джалалабаде. <...>

К этому времени в газету пришел новый редактор Киселев, который посчитал, что собкор в Ташкенте плохо справляется со своими обязанностями, и предложил мне его место. Я поначалу отнесся к этому негативно, но, побывав в Казахстане в командировке вместе со своим коллегой из Свердловска Петровым, снова стал соавтором разгромной статьи. А когда союзный спорткомитет включил меня в комиссию по проверке положения дел со спортом в Казахстане, то мне пришлось даже продиктовать постановление, так как председателем комиссии был молодой сотрудник комитета, пришедший туда из ЦК комсомола и в спорте мало чего понимавший. Стоит ли говорить, что постановление вышло тоже разгромным. А потом меня ещё пригласили в Москву на обсуждение этого вопроса в комитете, где я выступил со своими комментариями. После этого и думать об Алма-Ате не стоило, и я согласился на Ташкент.

<...>

К этому времени Омурзаков прислал в газету опровержение всех фактов, изложенных в моей статье о Джалалабаде, и ко мне для проверки приехал корреспондент Романов из Челябинска. Проверка подтвердила мою правоту, что признали и в горкоме партии, и мы спокойно уехали в Ташкент, где Романов сказал председателю местного спорткомитета, что приехал специально, чтобы узнать, как решается вопрос с моей квартирой. Тот вместе с нами поехал в горисполком, зашел к председателю и вышел оттуда с моим ордером на квартиру. Было это в начале октября 70-го года.

Мама с большой неохотой расставалась с Киргизией, где у нее была и интересная работа, и хорошие отношения с ее руководителями. Именно эти отношения помогли нам организовать сложный поход по Тянь-Шаню, практически через всю Киргизию. А мама со своими ребятами даже побывала в походе возле Томска и навестила Машу. Ташкент, хоть и был для мамы родным городом, но и напоминал о рано ушедших родителях. <...>

Всё же потихоньку все семейные проблемы были решены, и мы с мамой и Вовкой перебрались в Ташкент...

На самом деле переезд этот совершился не слишком быстро. Сперва я поехал работать, а мама осталась помогать Наташе ухаживать за её старшим сыном Володей и ждать рождения второго. Мама даже успела совершить поездку со своей группой туристов в Самарканд.

Причём автобусом они добрались до Ташкента и ночевали в нашей новой квартире, которая была пуста, мебели в ней почти что не было.

В конце концов, Ирина приехала в Ташкент и устроилась работать в областном совете по туризму и экскурсиям, где у одной её сотрудницы была хорошая связь с директором детского сада неподалёку. И Вовчик, которого мама привезла с собой, пошел в этот садик. Так потихоньку мы начали осваиваться в Узбекистане...

* * *

Потом приехал Стёпа, который к этому времени закончил Ужгородский университет и даже отработал целый год в какой-то деревне под Свалявой. Он сумел обменять квартиру, которая оставалась у него в Ужгороде, на однокомнатную в Ташкенте, правда, где-то на окраине, у тракторного завода и уехал в Ужгород для окончательного оформления обмена.

Сначала Степан начал работать в «Физкультурнике Узбекистана», но вскоре перешёл в газету «Комсомолец Узбекистана», где познакомился с Олегом Орестовым, который в дальнейшем стал для него ближайшим другом и помощником, и где Степан проработал несколько лет. Позднее он устроился на работу в Ташкентский радиокомитет, где и служил практически до девяностого года.

* * *

Но вернусь к началу 70-х. Как-то мама, уже работавшая в Узсовете по туризму и экскурсиям, занялась разработкой интересного маршрута в Карлюкские пещеры. Сперва мы с Орестовым и несколькими сотрудниками астрономического института поехали туда на машине, обошли всё, промаркировали и уехали. А мама, которая не могла уехать раньше, приехала туда с Андреем Морщинером на поезде или на автобусе, когда мы уже уехали. Она загорелась идеей организовать туда экскурсию целой группы из Москвы.

В это же время москвичи Цыбульские приехали в Ташкент погостить, остановились в гостинице «Саёхат», где размещался Узсовет по туризму, и как-то познакомилась с Ириной, побывали у нас, даже, кажется, пожили какое-то время. И мама обратилась к ним с просьбой помочь собрать группу москвичей для поездки в эти Карлюкские пещеры. И вскоре москвичей они привезли.

В этой экспедиции в пещеры участвовал и Стёпа. Там он познакомился с будущей матерью его старшего сына, Ларисой. Когда Роме уже было два или три года, они с мамой приезжали в Ташкент. Вместе с Машей и Алешей побывали в расположенном неподалёку парке Победы, покатались на качелях...

А спустя несколько лет, в 1979 году, через ту же Ларису мы оказались владельцами домика в очень красивой деревне Мальтино в Ивановской области. Дело в том, что тогда купить деревенский дом могли только родственники жителей этой деревни. А Лариса оказалась родственницей парторга мальтинского колхоза. Она попросила его помочь нам купить там дом. Шляпников прислал нам письмо: «Пожалуйста, покупайте». Когда мы получили это письмо, меня как раз вызвали в Москву на курсы, и мама поехала со мной. Она побывала в Мальтино и оформила покупку домика за 200 руб. В том же году я побывал в командировке в Иваново, в Гавриловом Посаде и в самой деревне, и даже написал какой-то материал об этих краях в газету.

Косари.

Мальтино стало для нас с мамой самым счастливым местом, где после выхода на пенсию мы стали проводить по полгода, с апреля по октябрь. Вот как написала о нём мама в одном из писем, (а такие благодарных ее описаний за два десятка лет было очень много):

«Здесь очень хорошо, как всегда, и даже лучше. Лучшее потому, что такое щедрое нынче лето – много ягод, обильный огород. Очень красивое небо, белые ночи, масса цветов и почти полное отсутствие комаров-мошек. Жизнь течёт тихо и стремительно, как тысячу лет назад, как пять тысяч и, наверное, даже как

миллион лет назад. Уходит, убегают жизнь, и мы уже не пытаемся угнаться за ней, плывём по течению за обрй... Почти за месяц Петя нагулял хороший румянец, мускулы и разряд по шахматам (со мной и дедом). Наше одиночество втроём скрашивает только Кошарик Второй (точная копия Первого, только в лес не ходит с нами) да Ёж Ежович, ужасный нахал – среди бела дня является за рыбьими головами и хвостами.

Дед неутомим, как всегда – косит, пилит (с Петькой), рубит, таскает на коромысле воду (и Петька тоже), улепётывает каждое утречко на заре, на велосипеде в тот домик - и на байдарке, за щуками. Грибов ещё почти нет – только луговые опята (негниючники), а в мае были сморчки. Вот видите, как тихо, патриархально живём мы тут. Тот домик пустой и чистый, но с огородом, даже с клубникой, в этом году у нас её уродилось много, хоть тащи на Алайский. Варенье не варю, поедает всё сырым».

Не остался равнодушным к мальтинским прелестям и Степан, который написал несколько стихотворений об этих благословенных местах:

МАЛЬТИНО

*На острове Мальта мальтиец живёт –
Коварен, хитёр, бородат.
Когда ж наполняет он пивом живот,
Всем ясно, что это пират!
И в доме,
что словно разбойный корабль,
Он потчует банду свою.
И вместе решают, пуститься куда б,
И страшные песни поют.
Но сколько пиратов в иных городах
Мечтают о жизни иной:
Оставить разбой и не делать вреда,
Уехать в деревню с семьёй.*

*Что Мальта,
коль Мальтино есть на земле,
Хоть пива мы здесь и не пьём,
Мы в хате уютной, как на корабле,
Нестрашные песни поём,
Забытые песни поём!
08.1988*

ОГОРОД

*Козёл, его благородие,
Любил гулять в огороде и
Там - неудобно признаться! –
Якшался с каким-то зайцем.
Вместе присев под кустик,
Хрустели сочной капустой,
А после дёргали ловко
Из грядки редис и морковку,
Не зная того обстоятельства,
Что бабка, её сиятельство,
Затеяла огород,
Чтобы кормить народ.
У ней внуков невпроворот,
Вот!*

Обновление старого дома: Вася Охмат, Олег Стальбовский и я. 80-е, деревня Мальтино, Ивановская область

* * *

И по-моему, в том же 1979 году получили мы приглашение от недавно нашедшегося через Международный Красный Крест Ириного родного дядю Серёжи, Он родился в 1905 года на Украине, и в гражданскую войну 16-летним подростком пропал без вести. Как оказалось, прожил всю остальную жизнь в Болгарии, возле Варны. Сначала он был пастухом и слугой, работал на руднике. Но в конце концов выучился, завел семью, стал хорошим врачом.

* * *

Такими вот были годы после отъезда из Украины.

У нас в Средней Азии не раз гостили коллеги, зарубежные, и свои. Помню, побывали в гостях венгерские спортивные журналисты, и мы с Гуламом Пулатовым с почестями их отправили в Бухару, где они были встречены также радушно. В другой раз гостил у меня корреспондент из Чехословакии, и мы с ним проехали через Таджикистан, Туркмению и Узбекистан. Гостил поляк, который еще раз потом приезжал с двумя своими коллегами из польских спортивных газет.

Само собой, бывали коллеги из «Советского спорта». Например, был такой интересный журналист, да и просто хороший человек Слава Токарев, заведующий спортотделом нашей газеты. Потом он приехал даже на несколько месяцев в Ташкент, уже будучи писателем и не работая в «Советском спорте», снял квартиру и писал книгу, в которой заодно и меня изобразил...

Фотокорреспондент Витя Галактионов приезжал из Ленинграда, и мы с ним по каким-то делам съездили в Фергану, где попутно заглянули на машиностроительный завод поинтересоваться спортивными делами. Витя сделал пару фотографий, а я без всякого напряжения написал очерк. И когда мы с ним приехали в Москву на сбор корреспондентов, вдруг слышу, Киселёв начинает этот очерк цитировать и хвалить, мол, вот как надо писать...

Бывали в Ташкенте и Лёва Николов, и Юра Бондарь, и Ира Декартова, заводделом, по-моему, пропаганды, с ней я ездил по республике, а потом она приехала к нам в гости уже неофициально, со своим мужем. Была в Ташкенте секретарша Бондаря и они вместе с Алексеем Назарянцем ездили в Ферганскую долину.

* * *

И ещё несколько слов о ташкентских коллегах, спортивных работниках и журналистах.

Был в Фергане такой тренер по боксу — Виталий Фен, и я как-то в «Советском спорте» написал о нём похвальную статью, им абсолютно заслуженную. Его сделали руководителем ферганского областного спорткомитета. Он и там отлично себя показал, и тогда Мирзоалим Ибрагимов его взял в республиканский Комитет по физической культуре и спорту в качестве своего заместителя.

Мама Ира пробует пристать к берегу, Мальтино 90-е

Собкором в нашей газете от Узбекистана до меня был

Эдуард Аванесов.

Помню, что он из Ашхабада, попал там в 1949 году под землетрясение и потерял кого-то из семьи. Был тяжелоатлетом, разбирался в футболе и закончил в Ташкенте институт физкультуры. После того, как я пришёл на его место, он в «Советском спорте» работал в должности выпускающего от Узбекистана.

Пожалуй, наиболее близким из ташкентских журналистов, был Георгий Димов, собственный корреспондент «Известий». Мы

особенно с ним сдружились после того, как меня избрали в бюро нашей парторганизации, где он был секретарём, и нам приходилось решать какие-то вопросы вместе...

НАВЕРНОЕ, нет нужды доказывать, что игровые виды спорта наиболее популярны. Каждый физиологический работник скажет, что их дальнейшее развитие ограничивается только одним — развитием спортивной базы. Но ведь построить игровую площадку — установить баскетбольные щиты или волейбольную стойку, сами понимаете, не так уж и сложно. Ну, а если речь идет, скажем, о таких доступных видах, как бадминтон или настольный теннис, то им и особых-то площадей не нужно — пригородный ровный пятачок земли или мало — малых просторная комната, коридор, бойе. А это значит, что секции настольного тенниса и бадминтона можно организовать практически в любом учреждении, учебном заведении, на предприятии.

Но, как это ни странно, бадминтон так и не вышел из области прошлых и в настоящее время большинство областей Узбекистана, в Каракалпакской АССР, Джамбулатской, Кашгарской, Самаркандской, Хорезмской секции не создано ни одной секции, а в остальных областях этих доступных видов спорта занимается буквально единицы. Например, в Андижане 30, в Бухаре 35 и даже в полуреспубликанском Самарканде — 38 человек.

Чем объяснить столь незначительное участие бадминтонистов? Все, к кому мы обратились с этим вопросом, пожимая плечами и говоря, что они, наверное, просто не приехали в Узбекистане. Но только ли в этом дело?

Соревнования по бадминтону проводятся от случая к случаю. Обычно это ученические, школьные или районные соревнования, даже если они проходят в Ташкенте, как это было недавно, спортивные республиканские виды всех, кто замыкает турнирную таблицу, и это обстоятельство, видимо, никого не волнует. Да и некогда волновать Федерацию бадминтона, как мы убедились, фактически не существует, во всяком случае, следов ее деятельности в республиканском спортивном комитете вообще не удалось. В отделе спорта даже традиционная папка для документов по этому виду спорта не существует.

Не блещут на всесоюзной арене и мастера настольного тенниса, хотя в отделе от бадминтона популярность в республике он пользуется огромной — в каждом втором коллективе физкультурного существует секция любителей легкой ракетки. Чтобы не быть голословными, сослался на официальные данные, которые свидетельствуют, что из 1176 коллективов физкультуры в 1982 работает секция настольного тенниса. И если судить по числу работников, работают весьма плодотворно. В 1981 году, например, из 205 тысяч занимающихся 108 тысяч имели спортивные разряды.

Эти весьма благополучные показатели не могли не радовать. И нас смущало лишь одно: почему количество так и не перешло в качество? Как и

ДОСТУПНОЕ — ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

прежде, команда республики по настольному теннису на III Всесоюзных спортивных играх молодежи заняла одиннадцатое, а на последнем первенстве СССР в Душанбе — тринадцатое место. Правда, первый же разговор с М. Шмукалевым — старшим тренером сборной Узбекистана, заместителем председателя республиканской федерации, руководителем тренерского совета (человеком, как выдвигают, весьма компетентным), многое прояснило.

Понимаете, — сказал он, — до проблем массовости развития настольного тенниса у Федерации руки так и не дошли. Больше того, мы были искренне убеждены, что нашего вмешательства и не требуется популярности настольного тенниса и без того много. Бывшее, что нас волновало, кроме выступлений наших игроков на всесоюзной арене и проведения собственных первенств, это подготовка резерва. А еще мысли готовить только ДЮСШ и центральные секции район республиканских советов ДСО. После этого мы старались добиваться открытия отделений во всех областских центрах. Но в Самарканде, например, работают двадцать шестнадцать специалистов, в Намангане — десять, в Уренте — пять. Очень невелик КПД работы тренеров.

— А как удовлетворяются потребности теннисистов в инвентаре, сколько столов имеется сейчас в коллективах физкультур? — К нашему удивлению, на этот вопрос естественный вопрос ни наш собеседник, ни кто-либо другой из спортивных работников ответить не смог. Аргументировались эти весьма провальные в статистических графиках теннисных столах нет, а значит, взять эти данные неоткуда. Только в отделе малярия № 3 «Уэспортотра» нам смогли немного прояснить положение. Оказалось, что в среднем за год тут по беззачетному расчету, т. е. для всех республиканских организаций, име-

щих коллективы физкультур, продано около пятисот столов. Производства дальнейшие расчеты вместе со специалистами не составило большого труда.

Но будем упомянуть и другие цифровые выкладки. Однако несложно арифметический подсчет (соответствие числа столов времени, необходимому для занятий) с неумолимой логикой засвидетельствовало, — что число любителей легкой ракетки в республике не может превышать... 60 тысяч. Признаться, это сопоставление нас обескуражило, и мы решили уточнить его на местах. Но прежде чем поехать в коллективы, встретились с одним из самых активных энтузиастов настольного тенниса в республике, заслуженным тренером Узбекской ССР Г. Муминовым, который возглавляет в Бухаре ДЮСШ с отделением настольного тенниса.

— Сколько столов в области? — переспросил Гулям Шарипович. — Вы знаете, никогда на эти вопросы не задавался, но, наверное, 150—200. Но и вам должен сказать, что не они являются препятствием для дальнейшего развития нашего вида спорта. Еще сильнее ощущаем нехватку ракеток, сеток и элементов для них, и, конечно же, больше всего тормозит подъем массовости настольного тенниса бедность календаря. У нас в Бухаре проводится около полудесяти соревнований в год, значительно больше, чем в любом другом городе, а надо бы в раза три-четыре больше.

Да, календарь составлен по настольному теннису крайне скуден. Спортивный республика в 1982 году отдала этому виду спорта всего два турнира. В одной упоминается о аличном командном чемпионате, а в другой — о розыгрыше кубка. После десятилетнего перерыва настольный теннис был включен в календарь ДСО. Иными словами, даже smallestые теннисисты коллективов физкультур стартуют всего одиннадцать раз в год.

И еще об одной справке хотелось бы упомянуть. В том же отделе малярия № 3 нам сообщили, что потребность в инвентаре (для ракетки, сетки с жакетами) графика, а поступает к ним для реализации... 200. Кстати, это соответствие выли комплекс невозможно приобрести и за наличный расчет. Не приваляем к этому спортивным магазинам их давно нет. Вот покуда в школе № 94 города Ташкента два стола оказались за-

крытыми и подвала. Трудно сказать, в каком они состоянии — кучку от подвала преподаватель физкультуры В. Козлов так и не смог разбить, как, впрочем, и каких бы то ни было протосколов в физкультуру соревнований по настольному теннису, хотя в отчете эта секция и значится.

А вот в школе № 229 искать ничего не пришлось. В небольшом уютном зале, возникшем в помещенных бывших подвалах, раздавался веселый перестук мячей — шла занятые секция. Директор школы И. Гаянессова, как буквально все школы принимала участие в строительстве зала, с какой охотой ребята участвуют в соревнованиях и какой большой любовью пользуются настольный теннис в школе.

Столь же приятный разговор состоялся и на тракторном заводе, где в нынешнем году уже прошла соревнования между цеховыми командами.

Итак, как вы видите огромный, — с удовлетворением рассказывает председатель совета колхоза «Звезда» физкультура Ю. Тухтамурамов. — А после состояний от отдала и цехов предприятия поступающая заявки на инвентарь и столы. Не доставить их где-то на стороне, в другой республике.

Подобные же в последние дни прошлых коллективов, убедились, несколько легко некоторые спортивные руководители желанием отдавали за отсутствующими секциями теннисистов. Но утвердился мы и в том, что в поле деятельности того хотел, тем сумели преодолеть любые препятствия настольный теннис получил права гражданства.

И еще одно. Видно, не так уж и сложно является действительное положение дела в настольном теннисе. Но руководители спорткомитета и республиканские ДСО, видимо, убоялись прихода статистиков, которые проверяли все плановые задания. Например, к требованию председателя Спорткомитета СССР от 22 августа 1980 года «О мерах по дальнейшему развитию настольного тенниса в стране» был приложен план увеличения числа занимающихся этим видом спорта в Узбекистане. Предусматривалось, что к 1983 году эти цифры должны были достигнуть 170 тысячам. Как уже сказано, число любителей настольного тенниса в Узбекистане согласно статистическим данным достигло 205 тысяч.

Как видите, повод для благодушия внешне вполне весомый. Наверное, поэтому ни спорткомитет, ни республиканские советы ДСО и ведомств так и не отработали на приказ Спорткомитета СССР и вышележащее постановление Всесоюзного тенниса ДСО профсоюз. В плане статистического настольного тенниса мы обнаружили черникой приказ республиканского спорткомитета, который так и не увидели света.

С. БААКИН,
А. НАЗАРНИЦ,
(Наше корр.)

ТАШКЕНТ.

Одна из наших статей в "Совспорт", 80-е

* * *

Продолжу рассказ про семейные дела.
В середине 70-х годов Стёпа познакомился со своей будущей женой Светланой, работавшей в каком-то издательстве. Несмотря на то, что в это

время она была замужем, они настолько увлеклись друг другом, что вместе уехали в Киргизию и устроились на работу на альплагере, не помню, то ли в «Ала-арчу», то ли в «Аламедин». Там они пробыли пару месяцев, а когда вернулись в Ташкент, Стёпа начал жить вместе со Светой. <...> Постепенно всё у них наладилось и они поженились.

Когда родился у них сын, его по традиции тоже называли Степаном. Мы посещали их, они приходили к нам в гости. Но, тем не менее, дружеских, доверительных отношений у нас ни со Светой, ни с её роднёй так и не сложилось. Ни Светлана, ни мальчик (которого на западный манер мама звала Стивой) — так родными не стали не только для нас, но и для Степана, к сожалению. И янисколько не удивился: как только в середине 90-х у Степана появились трудности с работой, так Света решила подать на развод. Стива, выбрав сторону матери, тоже отвернулся от отца, через несколько лет даже отказавшись от фамилии Балакин — слишком разными были их интересы и отношение к жизни...

* * *

По-другому получилось с Машей. Летом 1972 года она привезла познакомиться своего будущего мужа Олега Стальбовского, уже выпускника мехмата Томского университета. И мы даже съездили с ним и с группой одесситов под руководством альпиниста Шуры Блещунова, старинного, ещё довоенного приятеля Иры, на озеро Искандеркуль.

На следующий год Маша закончила учёбу, защитила диплом и вместе с мужем приехала в Ташкент. А в начале сентября у них родился первенец Алёша. Олег устроился работать сначала в САРНИИГМИ, а потом, уже по профессии — в Астрономический институт АН УзССР, в отдел переменных звёзд. И с друзьями-астрономами из этого отдела он проработал больше 20 лет, сначала в Астрономическом институте, а затем в узбекском филиале Института космических исследований СССР. После развала Союза он перешёл работать программистом в нефтегазовую отрасль.

Когда мама наша в 1974 году вышла на пенсию, Маша после декретного отпуска сменила её на посту инструктора Республиканского совета по туризму и экскурсиям, где проработала пару лет.

Мама же после выхода на пенсию ещё некоторое время подрабатывала, чтобы повысить пенсию, которая у неё была всего 800 с чем-то рублей, и ей хотелось, чтобы сумма была побольше. Хотя работала она, как обычно, хорошо, но всё же вскоре её должность сократили.

Мама вообще была очень деловой. Я помню, как ещё в Киргизии она устроилась в туруправление, чтобы организовывать туристические экскурсии из областей во Фрунзе. И поехав по республике, организовала сразу с десяток этих самых экскурсий. А ей полагалось по 10% от заработка с каждой из этих поездок, так что получалась огромная сумма. Ей, конечно, не выплатили, и

на этом дело кончилось. Оттуда мама ушла работать на турбазу, и там тоже у нее всё время были группы, так что почти каждое воскресенье мы ходили с ними в горы...

А в Узбекистане моя работа шла своим чередом. В отличие от плохих отношений с Омурзаковым, председателем республиканского спорткомитета в Киргизии, с его узбекским коллегой Гуламом Пулатовым у нас сложились вполне нормальные отношения. И больше того, попросил меня как профессионала взять под опеку спортивные газеты Узбекистана, помочь им.

Вот тогда-то я и стал подыскивать себе еще корреспондента, который мне полагался, так как на 4 республики (Киргизия, Туркмения, Таджикистан и Узбекистан), конечно, одному человеку работать было трудновато...

И тогда же мне предложили кандидатуру Алексея Назарянца. До этого он лет 6 работал в «Физкультурнике Узбекистана», готовя, в основном, информации о футбольных матчах.

Тогда как раз я получил письмо от одного спортивного работника из Бухары, и мы поехали туда разбираться вдвоём с Назарянцем. Я помог ему написать об этом деле статью, которую потом за его подписью мы и отправили в редакцию. Там тоже согласились с тем, что кандидатура Назарянца подходит, и мы начали работать.

До прихода на должность председателя спорткомитета Мирзоалим Ибрагимов был министром хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР, а до этого секретарем Наманганского обкома партии. И, пожалуй, мы с ним проработали дольше, чем с предыдущими двумя спортивными руководителями. Я бы даже сказал, что он вполне хорошо понимал меня и не обижался на какие-то критические очерки или статьи с моей стороны в «Советском спорте». Я помню, как он даже сменил после критики в газете пару областных председателей спорткомитетов. В конце концов, он договорился со мной вместе написать книгу об истории узбекского спорта и даже щедро расплатился за работу. Книга в 60 страниц вышла в 1985 году и называлась «Спортивная поступь Советского Узбекистана».

Получилось так, что я договорился с редактором своей газеты, что самый жаркий месяц, июль или август, я буду проводить в Москве, замещая Юрия Бондаря, заведующего отделом корреспондентской сети. Все согласилось на это, и я каждый год приезжал из знойного Ташкента на месяц в Москву. Но, правда, при этом я ещё куда-нибудь уезжал в командировки, потому что как командированному, мне не полагалось дольше 10 дней оставаться в Москве.

После главного редактора «Совспорта» Владимира Новоскольцева, который принял меня на работу и вполне мне доверял, больше того, устроил для меня перевод в Ташкент, пришёл новый редактор, Николай Киселёв, бывший сотрудник «Красной Звезды». С ним мы тоже быстро

сработались. Он даже как-то награбил меня почетной грамотой как лучшего работника. Но особенно меня удивило то, что случилось в один из сборов корреспондентов в Литве. Так как я никогда не был в Латвии, а один из корреспондентов приехал из Эстонии на машине и пригласил с собой нашего бухгалтера, который тоже участвовал в сборах и хотел проехать на машине через Латвию, чтобы её посмотреть, то и я спросил разрешения поехать с ними. Но бухгалтер сказал, что корреспондентам это не полагается, и я уехал. Но уже в Москве встретился на выходе из редакции с главным редактором. И Киселёв спросил: «Балакин, а ты почему не попросился поехать в Латвию у меня?» «Так мне сказали, что нельзя» «Да ну, вы же лучшие корреспонденты, я бы вас с удовольствием отпустил» и всё в таком духе.

К сожалению, у него всё сложилось плохо. Его уже вполне взрослые дети полетели в Ереван погостить, но самолёт разбился, и они погибли. Киселёв очень изменился, переживал, и хотя еще некоторое время работал, но жизнь для него уже потеряла всякий смысл. Он умер в 1981 году, я как раз был в Москве, так что попал и на его похороны ...

После Киселёва главным редактором был назначен Борис Мокроусов, обыкновенный партработник, который в газетном деле мало разбирался, но почему-то решил меня сделать заведующим молодежной редакции. На что я не очень соглашался, и он, привыкший к таким делам, послал письмо в Совет министров Узбекистана с просьбой о присвоении мне персональной пенсии.

К этому времени председателем Верховного Совета Узбекской ССР стал Инамжон Усманходжаев, с которым мы были тоже хорошо знакомы с тех пор, как он был секретарем Андижанского обкома партии, тем более что я собирался в Андижане провести сбор корреспондентов «Совспорта», такой же, какой был в Литве. Однако где-то там кто-то возразил, в общем, не получилось. Но именно этот Усманходжаев, став председателем Верховного Совета, вручил мне удостоверение о персональной пенсии. Но так как при получении персональной пенсии работать на той же должности было нельзя, то меня сократили, правда, с правом подрабатывать корреспондентом. А вместо меня оставили Алешу Назарянца, который проработал в этой должности не больше года...

Наступили 90-е годы, к этому времени наши внуки подросли и разлетелись по разным городам.

<...>

Нам же с мамой приходилось каждую весну уезжать из знойного Ташкента в зелёное и прохладное Мальтино. К тому же мама Ира постепенно стала слепнуть, и ей пришлось несколько раз оперировать глаза в клинике Федорова. И всё же зрение у нее продолжало стремительно ухудшаться.

И когда, спустя некоторое время, сыновья Наташи обосновались с семьями в Москве, мы решили окончательно перебраться поближе к ним. Так в 1998 году мы с мамой и Наташей переехали в среднюю полосу России, в Подмоскowie, в посёлок Новый Быт Чеховского района.

В Ташкенте остались Маша с Олегом и с младшим сыном

Стёпино бывшее семейство из Ташкента к этому времени уехало в Новый Уренгой, вслед за новым мужем Светланы, нефтяником. Степан какое-то время еще порывался перебраться к нам, но так и не собрался, и в конце концов издал 600-страничный сборник своих стихов и песен, ездил на бардовские фестивали, выступал в ташкентском клубе «Арча»... А его старший Рома поселился в Мальтино, занимается изготовлением сувениров.

* * *

Жарким летом 2001 года от сердечной недостаточности умерла наша мама...

Еще лет 15 я уезжал на лето в Мальтино, вполне самостоятельно мог заниматься огородом и рыбной ловлей, купался, собирал грибы, читал, принимал гостей. За 3 десятка лет со многими мальтинцами мы очень сблизились, и даже

зимой, на расстоянии, переписываемся или перезваниваемся. Но постепенно и зрение и слух ухудшились настолько, что с большой неохотой мне пришлось отказаться от летних каникул в Мальтино...

Московская область, Чеховский район, посёлок Новый Быт, 2019 г.